

[Polaris]

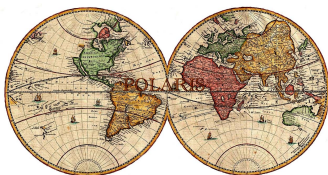
Л. Б. АФАНАСЬЕВ

**ПУТЕШЕСТВИЕ
НА МАРС**

Фантастическая повесть

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

LXXXIII

Salamandra P.V.V.

Л. Б. Афанасьев

**ПУТЕШЕСТВИЕ
НА МАРС**

Фантастическая повесть

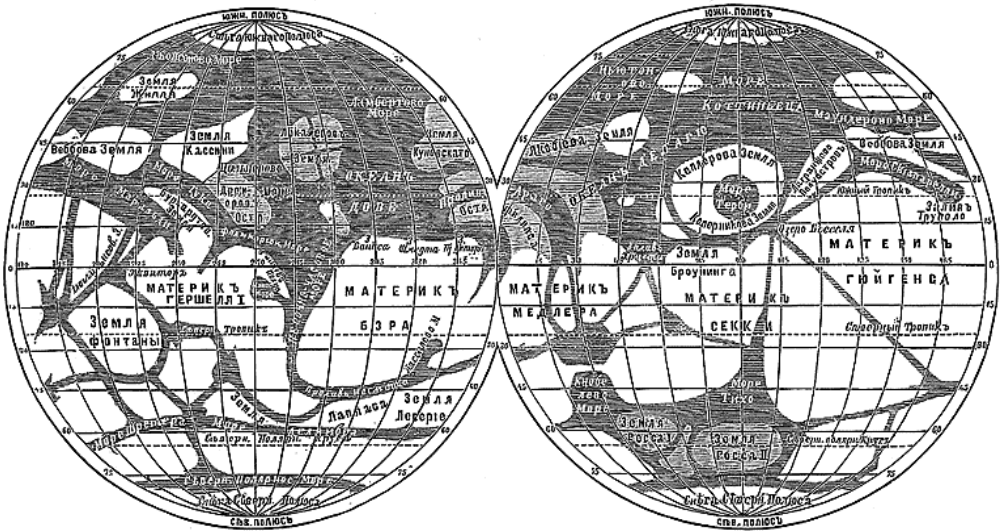
Salamandra P.V.V.

Афанасьев Л. Б. (Богоявленский Л. А.)

Путешествие на Марс: Фантастическая повесть. — Б. м.: Salamandra P.V.V., 2015. — 107 с. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. LXXXIII).

Литератор Л. Б. Афанасьев (наст. имя Леонид Афанасьевич Богоявленский) вписал любопытную страницу в историю ранней русской фантастики, отправив в экспедицию на Марс группу эксцентричных российских математиков и очаровательную миллионершу-англичанку. Отсталая марсианская цивилизация, как им предстоит выяснить, во многом превосходит земную.

ОБЩАЯ КАРТА МАРСОВА МИРА.

Л. Б. Афанасьев

**ПУТЕШЕСТВИЕ
НА МАРС**

Фантастическая повесть

I.

Николай Александрович Краснов вскочил ночью с постели, как ужаленный, и немедленно зажег лампу: он решил наконец свою задачу. Целых три года мучил его этот проклятый интеграл, не поддаваясь никаким его усилиям; но что это достижимо, в том Николай Александрович был убежден. Студенты-математики, которым он предлагал решить задачу, после бесплодных попыток, все категорически ему заявляли, что интеграл в конечном виде не берется; лучший профессор математики местного университета подтвердил то же самое, чтобы поддержать свое достоинство, так как все его попытки решить задачу ни к чему не повели. Но Краснов им не верил: ни студенты, ни профессор не знали, какое великое применение получит этот интеграл, если его удастся взять; все думали, что это лишь искусственно подобранная функция для упражнений в интегральном исчислении, и, когда задача показалась им не в меру трудной, спокойно ее оставили. Как они ошибались! Да, Краснов строго хранил свою тайну и до поры до времени не доверял ее даже своему другу, студенту Шведову. Интеграл Краснова был продуктом его долголетнего труда по механике: только он один тормозил его открытие, — великое, мировое открытие, — не поддаваясь никаким комбинациям и вычислениям, и тем закрывал таинственную, поразительную по своему значению истину.

Со страхом Краснов взял лист бумаги и принялся за проверку решения, осенившего его в постели. Неужели же это опять окажется самообманом, и интеграл снова ускользнет, а вместе с тем и его замечательное изобретение не осуществится? Но, нет, вычисления вполне согласуются с его мыслями: интеграл, как и думал Краснов, распадается на три части, и каждая из них берется самым естественным образом. Раз, два, три раза проверяет он свои вычисления, — ошибки не находится. Восторгу его нет конца: он осуществит свою идею, над которой трудится целых семь лет.

Задача решена окончательно и он — властелин мира. Да, властелин, такой же могучий, как сказочные герои Жюль Верна, совершающие с помощью своих изобретений чудеса! Но теперь перед ним не фантастический герой; он сам, не кто другой, как Николай Александрович Краснов, — виновник открытия, которое станет выше открытия Стефенсона и Эдисона. Теоретически вопрос решен окончательно, а практически осуществить его идею — сущая безделица. Правительство не пожалеет средств, осознав, какие выгоды оно само здесь выручит. Да, он непременно предоставит свою работу правительству; он — не сухой эгоист, чтобы, подобно капитану Немо, погрузить свой Наутилус в морских волнах, а отдаст свой труд на благо человечеству, оставив себе только честь изобретения!..

Но если он снова ошибся, и интеграл все-таки не берется? Сомнение охватывает его, и он снова проверяет с начала до конца все вычисления. Нет, все верно, а тревога все-таки растет да растет. Наконец, беспокойство овладело Красновым до того, что он поспешно оделся и, взяв шляпу, вышел из комнаты. Часы пробили три пополуночи.

— Куда ты, Коля? — спросила старушка-мать.

— Мама! Я взял свой интеграл! — крикнул Краснов, хлопнув дверью и чуть не бегом выходя на улицу.

— Бедный! Он совсем скоро сойдет с ума, — проговорила старушка и скоро опять заснула.

Краснов был математиком недюжинным, хотя не только не получил высшего образования, но даже не окончил курса гимназии. Он служил маленьким чиновником в одном учреждении и тем поддерживал существование свое и матери. Но все свободные часы он нераздельно отдавал науке. Знакомств у него не было. Служивцы считали его тронутым, студенты-математики, с которыми Краснов был бы не прочь сойтись, — педантом.

Один только человек любил и понимал Краснова, это — студент Шведов; но это тоже был человек, не совсем нормальный по отзывам его знакомых. Шведов был очень способный юноша, которому факультет единогласно предсказывал скорую профессию. Он, как и все ученые, настолько

зарылся в свои занятия, что совершенно забыл об остальных людях. Краснов благоговел перед Шведовым.

Через полчаса быстрой ходьбы Краснов повернул во двор одного дома и по черной лестнице поднялся в четвертый этаж. Длинный коридор тускло освещался фонарем. Краснов подошел к одной из дверей, на которой была прибита визитная карточка с надписью: «Петр Петрович Шведов, студент-математик», и постучал. Встревоженный стуком, Шведов в одном белье подбежал к двери.

— Кто там?

— Это я, Петр Петрович, я, — Краснов. Отворите.

— С чем вас черт принес ночью? — сказал студент, отворяя дверь.

— Замечательная вещь! Зажгите-ка поскорей лампу.

Пока Шведов добывал огонь, Краснов разделся и разложил свои бумаги.

— Смотрите сюда. Берется этот интеграл в конечном виде?

— Да ведь мы с вами сто раз пробовали его взять, и ничего не выходило!

— А ну-ка, следите за мной повнимательней, не делаю ли я где ошибки.

И Краснов стал быстро делать вычисления. Шведов внимательно следил за ними.

— А ведь в самом деле выходит! Дайте-ка, я попробую.

Он взял бумагу и начал сам вычислять. Ошибки не было.

— А знаете ли, Петр Петрович, почему я так интересовался этим интегралом?

— Почему?

— Дайте мне слово никому не выдавать тайны, которую я вам сейчас открою.

— Даю честное слово. Вы можете мне верить.

— Верю, верю. Ну, слушайте.

Краснов стал излагать свое открытие. С каждым его словом Шведов заинтересовывался все больше и больше. Он вскакивал со стула, садился на стол и не знал, чем выразить свой восторг и удивление. Наконец Краснов кончил.

— Да вы — Георг Стефенсон, Николай Александрович! Больше, вы — Ньютон, настоящий Ньютон!..

Краснов самодовольно улыбался.

— Как же вы теперь поступите с вашим открытием?

Краснов стал излагать Шведову свой план предоставления открытия правительству. Шведов мрачно слушал, не отрывая глаз от бумаги с вычислениями. Краснов спросил:

— Что же, одобряете вы мои намерения?

Шведов отвечал не сразу. Наконец он проговорил, как бы про себя:

— Я на вашем месте так не поступил бы ни в каком случае.

— А что же делать?

— Что делать? Досадно, право! Взрослый человек, великий геометр, механик и астроном, спрашивает, как ребенок, что ему делать с своим гениальным открытием! Неужели вы не понимаете, что вы губите собственное дело, которое может или совсем заглохнуть в чиновничьих руках или, что еще досаднее, попасть в руки каких-нибудь спекулянтов! Нет, вы не имеете нравственного права этого делать! Вы должны довести дело до конца. Владея вашим могущественным средством, вы должны делать открытия за открытиями, и, только умирая, сделать наследницей своих ученых сокровищ Россию. Если вам нужен помощник, то я готов бросить все и следовать за вами на край света.

— В самом деле? А ваша будущая профессура?

— К черту профессуру! С вами я больше принесу пользы, чем на университетской кафедре!

— Отлично! — воскликнул Краснов. — Но все-таки, Петр Петрович, мы с вами не осуществим моего изобретения.

— Почему?

— У нас нет денег.

— Ах, черт возьми! А ведь действительно правда. Без денег ничего не сделаешь! Деньги необходимы, а денег-то у нас нет...

Шведов задумался.

— Чепуха! — сказал он через минуту. — Денег нам дадут.

— Кто?

— Есть один богатый человек, который отдаст на наше дело свое состояние.

— Да кто же?

— Виктор Павлович.

— Виктор Павлович? Русаков?

— Ну, да! Он очень богат, я знаю наверное. Необходимо лишь пригласить его в нашу компанию — и он пойдет с нами непременно.

— Профессор? Чтобы он бросил свои лекции для нашего предприятия? Этому я не поверю.

— Я же в этом убежден. Он все отдаст для того, чтобы сделать что-нибудь замечательное и превзойти Лессинга, а здесь представляется бесконечное поле для его деятельности. Идем сейчас к нему!

— Ночью? Неловко...

— Пустяки! Одевайтесь.

Математики оделись и вышли.

Виктор Павлович Русаков был известным математиком. Он уж больше двадцати лет читал лекции по высшей математике в университете, напечатал несколько выдающихся сочинений и сделал немало научных открытий. По внешнему же виду он, как и все замечательные математики, казался человеком необыкновенно странным. Если Краснова и Шведова считали за людей не совсем нормальных, то профессора Русакова всякий с первого взгляда признал бы помешанным. Трудно было встретить более неряшливого или более рассеянного человека. Он читал своим слушателям прекрасные по содержанию, но безобразные по внешней отделке лекции: говорил неправильно, часто даже обрывал речь, не окончив слова. Однако студенты высоко ценили его лекции, привыкнув Русакова не слушать, а смотреть на то, что он писал на доске; изложение всевозможных частей высшей математики Русаковым было оригинальное, необыкновенно точное и увлекательное. Студенты гордились им и охотно извиняли ему его странности. Математика поглотила все мысли профессора, и он, кроме нее, ничего не видел, ничего не знал и ничем не интересовался.

Единственный человек останавливал на себе его внимание и даже несколько его беспокоил, это — профессор физики того же университета, Лессинг. Профессор Лессинг тоже был небезызвестным ученым, но в противоположность Русакову был необыкновенно приличен, аккуратен, внимателен и точен, порой даже изящен. Он постоянно трунил над Виктором Павловичем и его рассеянностью, а равно и над его односторонней ученостью. За это Русаков терпеть не мог Лессинга и считал его своим заклятым врагом. Когда на заседаниях физико-математического общества его председателю, Лессингу, случалось в докладе сделать какую-либо ошибку, восторгу Русакова не было конца. Но это происходило редко; по большей же части такие ошибки встречались в докладе самого Русакова, и он задыхался от гнева, замечая иронические улыбки председателя. Он готов был отдать все свое состояние, чтобы придавить, оскандалить ненавистного профессора. Злоба его росла, а Лессинг приобретал все больше и больше известности в ученом мире.

Светало, когда наши друзья подошли к квартире Русакова и позвонили. Долго пришлось им ждать, пока заспанная горничная отворила дверь.

— Что вам нужно?

— Виктор Павлович спит? — спросил Шведов.

— Ну, да, конечно.

— Разбудите его. Скажите, что есть важное и неотложное дело к нему.

Горничная стала было возражать, но Шведов настоял на своем и через четверть часа к ним вышел профессор.

— Какое важное дело? Какое дело?..

— Виктор Павлович, — начал Шведов, — извините; слишком уж важные обстоятельства заставили нас беспокоить вас в это время. Прежде всего позвольте вам представить моего друга, Николая Александровича Краснова, гениального математика, как вы сейчас убедитесь. Видите, в чем дело. Как взять этот интеграл?

— Да ведь я вам доказывал в университете, что он в конечном виде не берется.

— Да, но ваши доказательства оказались софизмами.

— Как софизмами? Как софизмами? Так не годится говорить.

— А вот посмотрите.

И Шведов решил ему задачу. Недоумению профессора не было границ.

— Но это еще не все, Виктор Павлович. Расскажите-ка вы сами, Николай Александрович, о вашем открытии.

Краснов еще раз изложил то, о чем только что говорил в квартир Шведова. Русаков был поражен.

— Это, это... удивительно!

— Теперь вот в чем дело, Виктор Павлович, — начал опять Шведов, — сообщать о сделанном открытии правительству, правда, не стоит?

— Не стоит, конечно, не стоит.

— Значить, нужно работать самостоятельно?

— Самостоятельно, непременно самостоятельно.

— Но у нас нет денег.

— Нет денег? Это не годится. Деньги необходимы, необходимы.

— Вот мы и хотим предложить вам... У вас есть деньги...

— В банке лежат.

— Так возьмите их и примите участие в нашей компании.

— То есть дать вам их взаймы? Как же это?.. Нет, это не того... Не годится... деньги того...

— Нет, мы предлагаем вам принять непосредственное участие в нашем предприятии,

— Как, а лекции бросить?

— Так что же? Да вы с нами гораздо больше сделаете для науки, чем в университете. А как удивится профессор Лессинг, когда узнает о нашем открытии!..

Глаза Русакова загорелись от радости.

— Это верно! Лессинг повесится с досады. Но все-таки, как же деньги... Я не знаю...

— Как вам угодно, Виктор Павлович! Мы сочли своим долгом предложить вам. В случае же вашего отказа мы имели в виду обратиться к профессору Лессингу. Он наверное согласится. Как вы думаете, когда его можно застать дома?

— Нет, нет, этого не нужно, этого не нужно. Я согласен, согласен. Сегодня же подам в отставку.

— Ну, вот и отлично! Теперь нужно решить, куда нам следует отправиться, чтобы заняться предварительными приготовлениями.

— На необитаемый остров нужно, — поспешно проговорил Русаков.

— Но, господин профессор, — заметил Краснов, — теперь ведь нет необитаемых островов.

— Как нет? Должны быть, должны быть!...

Через несколько дней весь физико-математический факультет, как громом, поразило известие, что профессор Русаков вышел в отставку, а известный студент Шведов уволился из университета. Профессор Лессинг не знал, что и подумать, и даже немного тревожился, замечая, с каким многозначительным и торжествующим видом поглядывал на него бывший профессор Русаков, коварно улыбавшийся при всякой с ним встрече. Страдающим же лицом в этой истории явилась жена профессора Русакова. Она убедилась в том, что ее ученый супруг окончательно спятил с ума. Кроме непонятной отставки, лишившей их постоянного дохода, в поведении профессора стало проявляться еще более странностей, чем прежде. Он по целым дням вырезывал из картона какие-то фигурки, клеил их, кричал: «нет, не годится» и разрывал на части; затем снова клеил и так далее. Наконец, профессор взял из банка почти все свои деньги и сказал жене, что завтра едет, но куда, зачем, об этом упорно молчал. Русаков обещал писать жене, но добавил, чтобы она ему не отвечала, так как он ни под каким видом не может дать своего адреса.

На другой день профессор, действительно, уехал. Профессорша выпросила себе право хоть проводить его до вокзала железной дороги. Там она увидела, что ее муж сел в вагон не один, а с двумя какими-то субъектами, показавшимися разгневанной и опечаленной женщине крайне подозрительными. В одном из них она признала студента, нередко навещавшего ее мужа и написавшего какое-то сочинение о наибольших и наименьших величинах функций, с

которым профессор долго носился. Другой же, с реденькой бородкой, в пенсне, был ей положительно неизвестен. Наконец пробил третий звонок. Профессор окончательно попрощался с женой, посоветовав ей в заключение остерегаться Лессинга, и поезд тронулся, увозя профессора и его товарищей неизвестно куда.

С тех пор прошло несколько лет, а о профессоре Русакове, студенте Шведове и чиновнике Краснове не было ни слуху, ни духу. Они словно провалились сквозь землю.

II.

В вагоне железной дороге между Лондоном и Ливерпулем сидели четыре господина и одна дама. Двое, по-видимому, были иностранцами. Одному из них было на вид лет тридцать с небольшим, другой был еще юноша; одеты они были оба хотя прилично, но довольно небрежно. Они держались все время отдельно, не желая завязывать дорожных разговоров и дорожных знакомств. Двое других были чистокровными англичанами, безукоризненно одетыми. Старшему из них можно было дать лет пятьдесят, младшему — лет тридцать пять. Они вели между собою оживленный разговор по поводу вышедшего недавно астрономического сочинения одного из французских ученых. Что касается дамы, то это была еще совсем молодая особа, лет двадцати, очень красивая, вся в трауре. Она сидела в углу и безучастно смотрела в окно. Младший иностранец часто на нее посматривал и, видимо, сочувствовал горю своей случайной спутницы; по крайней мере, его лицо часто также принимало грустное выражение.

— Я лично безусловно согласен с автором, — говорил младший англичанин: — что смена светлых точек на Марсе — явление не случайное, а есть не что иное, как сигналы, которые жители планеты дают нам. Очевидно, они вызывают нас на разговор. Заметьте, что расположение этих светлых пятен всегда имело строго правильную геометрическую форму: сначала три пятна в виде правильного треугольника, затем три пятна по вертикальной прямой и наконец одно пятно в центре диска. Вот если бы на Земле обратили на это должное внимание, то могли бы с успехом разговаривать с Марсом.

— Но каким же образом?

— Очень просто. Стоит лишь повторить те же самые сигналы и в том же порядке — и жители Марса увидят, что их сигналы поняты. С помощью же электричества вполне возможно устроить соответствующую группу пятен в различ-

ных пунктах земной поверхности, и это будет стоить даже не особенно дорого. Для того, чтобы образовать, например, треугольник, следует устроить одновременно свечение в Сахаре, Гималайских горах и на Балканском полуострове; для вертикальной прямой можно избрать ту же Сахару, мыс Доброй Надежды и Аппенинский полуостров и так далее.

— Хорошо. Предположим, что нашли на земле предприимчивые люди, которые повторили по порядку все сигналы Марса; допустим даже, что на Марсе поняли нас и наши работы по устройству световых эффектов не пропали даром: скажите же, сэр, какой практический смысл в этих действиях? Чтобы убедиться в том, что на Марсе есть жизнь и жители, нет нужды меняться сигналами: это можно решить чисто теоретическим путем. Кто же из образованных людей нашего времени сомневается в том, что на Марсе есть люди и цивилизация? Все научные данные доказывают это ясно, как день. К чему же нужна такая трудная проверка?

— В том-то и дело, сэр, — отвечал младший англичанин, — что значение этих световых сигналов более серьезно, чем вы думаете. Начало — половина дела. Если бы успешно завязались переговоры, то они скоро бы развились, и у нас возникли бы более близкие сношения. Важно заключить только, так сказать, союз между двумя планетами.

— Не думаете ли вы, что между Землей и Марсом установится телеграф?

— Весьма возможно.

— Вы договоритесь, пожалуй, до того, что со временем найден будет способ пересылать на Марс не только предметы, но и живых людей.

— Это очень возможно.

— Нет, невозможно. Уже потому невозможно, что не найдется такого сумасброда, который согласился бы полететь в ядре на неизвестную планету.

— Вы думаете?

— Я в этом уверен.

— А я, в свою очередь, уверен в том, что, если доказать вполне точным, логически-научным образом возможность

долететь до Марса, то охотников совершить полет найдется такое множество, что придется отказать за недостатком места девяносто девяти из ста.

— Я с вами согласна, сэ, — вмешалась вдруг в разговор дама в трауре. — На земле слишком много горя и страданий, и немало найдется обездоленных судьбой, которые готовы даже на смерть, а не только на жизнь в другом мире, лишь бы оставить ненавистную землю. Да вот я, например. Я бы отдала все свое немалое состояние, если бы могла покинуть землю. Я с радостью улетела бы и на луну, и на Марс, если бы только было можно вырваться из этого мира. Но, к несчастью, о таком путешествии можно только мечтать.

— Мало завидного представляет неизвестный мир, где, может быть, вас ожидает немедленная смерть, — сказал старший англичанин.

— А здесь разве нет смерти? — с горечью возразила дама. — Я убеждена, что в другом мире смерть не так зла и несправедлива, как на земле.

— Осмелюсь спросить, мисс, — сказал второй иностранец, — юноша, до сих пор не принимавший никакого участия в разговоре: — вы, вероятно, перенесли тяжелое горе?

— Да, сэ: я могу вам его поведать. Я потеряла любимого человека за несколько дней до нашей свадьбы. Он утонул в море, и с ним погребло все дорогое для меня на земле. Я говорю серьезно, что готова была бы улететь хоть на Марс, куда бы то ни было, чтобы только уйти от моего горя, которое всюду меня преследует. Я уже давно покинула дом и, как Агасфер, еду, еду, сама не зная куда и зачем, еду без цели, без интереса.

— Но разве на земле у вас нет других привязанностей, мисс?

— Нет. Я круглая сирота: ни отца, ни матери, ни близких родных у меня нет. Мой Эдуард составлял для меня все, и это все потеряно навеки. Я ни в чем не вижу отрады для себя в будущем, хотя мне все сулят счастье, так как я — очень богатая девушка. Вы, вероятно, слышали имя моего покойного отца, Томаса Эдвардса в Ливерпуле?

— Томаса Эдвардса? — спросили в один голос англичане. — Кто же не знал Томаса Эдвардса? Значить, мы имеем честь видеть его дочь, мисс Мэри Эдвардс, наследницу его миллионов?

— Да, господа, я — Мэри Эдвардс, несчастная миллионерша. О, с какой радостью я отдала бы свои миллионы, лишь бы мне возратить мое счастье или по крайней мере скрыться на другую планету от моего горя! Что может быть ужаснее, как чувствовать себя одинокой во всем мире! Да, только на Марсе я бы возвратила себе свой душевный покой.

Через несколько минут поезд примчался к лондонскому дебаркадеру и остановился. Оба англичанина немедленно вышли на платформу, а мисс Эдвардс стала приводить в порядок свои картонки. Юный иностранец подошел к ней и проговорил в полголоса:

— Мисс! Вы действительно согласились бы отправиться на Марс?

— Да, сэр, но это невозможно.

— Нет, возможно. Если вы хотите проверить мои слова, будьте завтра в Лондоне на Риджент-стрит в доме доктора Гаукинса: там вам докажут, что это возможно, самым строгим научным образом.

Глаза мисс Мэри заблестели от радости.

— Я вам верю, сэр. Так если это возможно, я с охотой полечу. Как я вам благодарна, если бы вы знали! Надеюсь, что вы сами будете моим попутчиком?

— Да, и не я один, а еще несколько моих друзей. Но только, мисс, моя законная к вам просьба: храните эту тайну.

— Конечно. Даю вам честное слово.

— Благодарю. Так пока до свидания. Не забудьте адреса.

— О нет, как можно! Завтра в двенадцать часов я буду на Риджент-стрит в доме доктора Гаукинса. Я вам очень, очень благодарна, сэр. До свидания.

Она вышла из вагона. Старший иностранец безмолвно слушал этот короткий разговор с широко раскрытыми от

удивления и ужаса глазами и, лишь только мисс Мэри скрылась, набросился на своего товарища с бранью и упреками.

III.

Доктор Гаукинс, поселившийся незадолго перед этим в Лондоне, был иностранец. Он прибыл в Англию из Нью-Йорка и окружил свою жизнь непонятной таинственностью. Гаукинс купил себе на Риджент-стрит огромное пустое пространство земли, занимавшее почти целый квартал города, построил здесь маленький домик и поселился в нем совершенно одиноко, даже без прислуги, за исключением необходимого привратника, которому была отведена отдельная будка у ворот. На вид Гаукинсу было лет пятьдесят. В два часа ежедневно он ходил обедать в одну из ближайших гостиниц. Остальное время он сидел дома, за редкими исключениями. Он сам покупал все необходимое и не принимал у себя никакого человека. Никто из посетителей гостиницы, где обедал Гаукинс, не мог никогда добиться от него ни одного слова; лишь только кто-нибудь пробовал с ним заговорить, Гаукинс бормотал себе под нос что-то бессвязное. Такая подозрительная таинственность сначала было обратила на себя внимание полиции, но так как Гаукинс ничего предосудительного не совершал, то власти скоро успокоились и решили, что это ни больше, ни меньше, как полупомешанный чудак, совершенно безвредный. Соседи говорили, что это какой-то известный ученый, помешавшийся на одной идее. Все знали, что Гаукинс был очень образованный человек, доктор каких-то наук, кажется, математики, и даже, как утверждали некоторые, бывший профессор. По вечерам соседи видели в доме доктора огонь до поздней ночи, но что он делал, об этом никто не имел никакого понятия.

Вскоре доктор Гаукинс стал ходатайствовать о том, чтобы ему было дано разрешение устроить в собственной усадьбе электрический завод для приготовления искусственных дождевых облаков из морских волн и направлять их в те местности Европы, которые в данное время страдают от засухи. Как ни нелепо было такое предприятие, формальных

препятствий к нему не было, и доктор Гаукинс получил требуемое разрешение на устройство дождевого завода. Затем к нему стали доставлять из Шеффилда и Бирмингама разные непонятные машины, которыми скоро уставилась огромная площадь в усадьбе чудака. Каждый день он откуда-то получал письма и телеграммы, и в усадьбе молчаливого иностранца закипела жизнь, а вместо прежней тишины началась шумная работа. В доме поселилось еще несколько лиц. Целый день сновали взад и вперед по Риджент-стрит к дому Гаукинса разные люди, и сам Гаукинс совершенно изменился. Теперь его можно было встретить во всевозможных публичных местах, в театрах, на гуляньях, в обществе молодых джентльменов. Он весь сиял, и по всему было видно, что в его жизни произошла какая-то счастливая перемена.

Постройка знаменитого дождевого завода, над которым смеялись лондонские электротехники, подвигалась тем временем быстро вперед. Никто из рабочих не понимал, для чего будет служить та или иная часть гигантских сооружений, и все только слепо исполняли данные приказания. Работами непосредственно заведовал инженер, еще довольно молодой человек, тоже иностранец, пользовавшийся, заметно, полным доверием Гаукинса.

Мало-помалу все привыкли к работам доктора и перестали ими интересоваться, работы между тем продолжались и продолжались, и скоро делу было суждено разъясниться самым неожиданным образом.

Вечером того же дня, в который произошел описанный в предыдущей главе разговор в вагоне о планете Марс, оба иностранца имели продолжительную беседу с доктором Гаукинсом.

— Ну, вот, Виктор Павлович, — говорил инженер, — наши работы и кончены. Теперь дело осталось только за мелочами. Через месяц Марс будет в положении, когда нам как раз и нужно будет махнуть на него.

— Все это хорошо, хорошо, а только не годится так делать, как Шведов. За каким чертом ему понадобилась эта женщина? Чтобы разболтала всем?

— Во-первых, Виктор Павлович, — отвечал помощник инженера, — это — не женщина, а молодая девушка, вторых, она никому ничего не скажет уже потому, что сама полетит с нами.

— Да на что она нам нужна? Куда лучше бы было полететь втроем! А то поднимет визг, поразвесит по всему судну свои юбки, а там еще окажется в интересном положении... Возись тогда с нею!

— Виктор Павлович! Побойтесь Бога! Она еще барышня.

— Барышня, барышня! Все они такие! В гимназии до квадратных уравнений еще не дойдет, а уж заведет альбом с любовными стихами!..

— Ну, перестаньте ворчать, Виктор Павлович, — сказал инженер, — что сделано, того не воротишь. Я думаю, что нам опасаться не следует: лицо этой англичанки такое симпатичное, что невольно внушает доверие.

— Да пусть летит, мне все равно! Я боюсь только одного, как бы она не разболтала по всему Лондону прежде, чем мы тронемся с места. А Лессинг и явится тут как тут, и все дело погубит.

— Виктор Павлович! Когда вы перестанете наконец бояться Лессинга? — спросил помощник инженера. — Ведь целых четыре года прошло с тех пор, как вы оставили университет. Лессинг о вас и думать забыл.

— Как же, забыл! Это животное все сделает, лишь бы мне повредить... Он у меня ни на минуту не выходит из головы. Еще бы мне не бояться! С тех пор, как мы прочитали в газетах, что Лессинг командирован с научной целью в Англию, я и спать спокойно не могу. Боюсь, что мы не улетим благополучно.

— Да откуда же он может знать, что доктор Гаукинс из Нью-Йорка и Виктор Павлович Русаков — одно и то же лицо? Вы так хорошо скрыли свое имя, что этого никто никогда не узнает!

— Лессинг может узнать. Это — хитрая бестия, а все через вашу девчонку, — она разболтает.

— Да не разболтает, я в том порукой. Не понимаю, почему вы так предубеждены против нее. Каким вы сделали ненавистником женщин!

— Ну, да что там толковать! — сказал профессор, — пусть едет! Теперь ничего не поделаешь. Дорогой научим ее в винт играть; все лучше, чем с болваном.

— Вот видите, — сказал Шведов, — вам же будет лучше. Да, теперь все готово... А право, как подумаешь, что через несколько дней предстоит такое путешествие, страшно становится.

— Да, времени у нас осталось всего лишь один месяц, — сказал Русаков, — надо усиленно готовиться.

— Да ведь все готово, — заметил Шведов. — А зарядить цилиндры следует не раньше, как девятого сентября. Теперь нужно только меблировать корабль.

— В этом уж мы положимся на вкус Эдвардс. Но вы напрасно думаете, Петр Петрович, что нам делать больше уж нечего, — заметил Краснов. — Работы много. А закупить все необходимое по составленному списку, а запаковать и привинтить все? Это потребует немало времени. Вы ведь знаете, что если для нас безразлично расположение предметов в дороге, то в момент толчка много значит правильная установка. Если окажется заметная фальшь в равновесии, то мы не попадем на Марс; а если равновесие и не будет нарушено, но вещи будут плохо упакованы, то многое может разбиться, поломаться от внезапного толчка, который нарушит общую инерцию. А нужно, чтобы ни того, ни другого не было. Подождем барышню и завтра же примемся за покупки.

— Не забудьте купить карты, — сказал профессор.

— Хорошо, — отвечал Краснов и сделал отметку в своей записной книжечке.

IV.

На другой день, часов около двенадцати утра, к дому доктора Гаукинса подъехала карета, из которой вышла мисс Эдвардс и позвонила. Доктор сам открыл ей дверь.

— Имею удовольствие видеть доктора Гаукинса?

— Он самый, он самый. А вы — мисс Эдвардс? Очень рад, очень рад. Едем, едем на Марс. Дорогой будем играть в карты. Вы играете?

— Играю. Но разве вы думаете дорогою взяться за карты?

— А что же мы будем делать 206 дней, пока не долетим до планеты?

— Хорошо, — засмеялась Мэри, — но будет ли это удобно?

— Уж не думаете ли вы, что мы отправимся на каком-нибудь аэростате? Нет, сударыня, мы летим на большом корабле, в котором будет общая зала и у каждого пассажира по отдельной комнате.

— Где же мои вчерашние знакомые?

— А, мои инженеры! В машинном отделении. Пойдемте туда.

Они направились к машинному отделению. Инженеры заметили их приближение и поспешили им на встречу.

— Здравствуйте, друзья, — сказала мисс Мэри, — покажите же мне ваше диковинное изобретение.

Все вместе вступили под навес машинного отделения.

— Честь этого изобретения, — заговорил Русаков, — принадлежит Краснову. Принцип его состоит в том, что совершенно закупоренное судно, в котором мы все четверо поместимся, получит настолько сильный толчок, что благодаря ему оно приобретет огромную скорость, достаточную для того, чтобы в течение 206 дней долететь до Марса. Здесь вы видите, мисс, два отделения. Первое представляет тот механизм, который выбросит нас в пространство; а там наверху, видите, находится вторая наша постройка, наше бу-

дущее жилище, уже положенное на место и приспособленное должным образом. Начнем осмотр по порядку с первого.

— О, нет, нет! — возразила Мэри. — Что я тут разберу? Понять такой сложный механизм свыше моих сил. Здесь без конца колеса, цилиндры, рычаги, ремни!.. Оставим это и пойдемте лучше посмотреть корабль. Но скажите, господа, по секрету, — кто вы такие? Ведь мы теперь — свои люди.

— Я — бывший профессор математики в русском университете, Гаукинс, то есть, собственно говоря, моя фамилия не Гаукинс, а Русаков.

— Ах, это вы. Я хорошо помню, как три или четыре года тому назад газеты много писали о загадочном исчезновении знаменитого русского математика Русакова. Так вот чем объясняется ваше исчезновение! Это вы тот знаменитый профессор?

— Да, это я...

— Что же мне сомневаться в успехе поездки, если за него ручается такое светило ученого мира! А вы, господа, тоже профессора?

— Нет, мисс, — сказал Шведов, — я всего только бывший студент-математик, ученик Виктора Павловича...

— И лучший ученик, — перебил Русаков. — А вот Краснов так совсем самоучка-математик, но такой ученый, что перед ним сам Ньютон — только мальчишка и щенок. Если бы вы знали, как он остроумно интегрирует!..

— Вот как! Как же после этого мне не радоваться поездке на Марс, которая сводит меня с такими выдающимися людьми! Идемте же посмотреть наше будущее помещение.

Все поднялись по лестницам вверх. Корабль инженера Краснова представлял почти правильный конус, сделанный из какого-то неизвестного металла. Посередине было небольшое круглое отверстие, которое изнутри легко можно было закупорить так, что судно закрывалось герметически. Стены были очень толстые и состояли, по словам Краснова, из нескольких перегородок, между которыми находилось не что иное, как обыкновенная вода, что требовалось для оказания необходимого сопротивления первоначаль-

ному толчку. Через весь корабль по боковой стене проходила витая лестница, достигавшая почти самой вершины конуса. Войдя внутрь, Мэри увидела, что корабль состоит из трех этажей. Первый этаж был предназначен для дорожных запасов пищи и воды, продуктов для добывания искусственного воздуха и поглощения углекислоты и для склада прочих необходимых в путешествии вещей. Почти весь первый этаж состоял из многочисленных шкафов с мягкими стенками, устроенными для того, чтобы защитить от первоначального толчка хранящиеся в шкафах предметы. Весь корабль был выложен изнутри с тою же целью эластичной обивкой. В этом же этаже находились различные приборы и машины, а также резервуар для поглощения разных нечистот. Второй этаж занимала большая общая зала, а верхний был разделен на четыре квадранта, из которых каждый представлял отдельную комнату для одного из пассажиров корабля.

— Как же называется ваше судно? — спросила Мэри.

— Ах, об этом мы еще не подумали, — отвечал профессор. — В самом деле, как нам его назвать?

— Нужно подумать, — промолвил Шведов.

— Я предлагаю назвать его «Галилеем», — сказал Краснов. — Галилей первый проник умственным взором в небесные тайны; пусть же и теперь «Галилей» первый посетит другую планету!

— Отлично, отлично! — воскликнула Мэри. — Я в восторге. Так вы все согласны, господа, чтобы наш корабль назывался «Галилеем»?

Профессор и Шведов не протестовали.

— Ну, как вам нравится, мисс, наш «Галилей»? — спросил Краснов.

— Судно прелестное! Я уверена, что дорога отнюдь не будет нам тягостна.

— Тягостна! — воскликнул Русаков. — Не повторяйте больше этого наивного выражения! Дорога будет очень интересная и веселая, а не тягостная. Эти 206 дней промелькнут, как одна неделя. У нас будет порядочная библиотека, будут различные игры и развлечения... Будем играть в винт,

я вам буду читать лекции, будем дифференцировать, интегрировать...

— Нет, merci, я отказываюсь от вашей математики, — сказала Мэри.

— Как! Вы не хотите слушать лекции?

— Да, конечно, не хочу. Я уже забыла алгебру с геометрией, а вы навязываетесь с вашими интегралами!

— Я вам сначала прочту повторительный курс элементарной математики.

— Не хочу я вовсе вашей математики: я ее терпеть не могу.

— Как же это!... Не знать математики!.. Это, это... Пусть лучше на земле остается, чем едет на Марс, не зная дифференциального и интегрального исчисления. Я не хочу, чтобы жители Марса смеялись над нею...

— Да они даже и арифметики, может быть, толком не знают! — заметила Мэри. — Вы мне лучше скажите, почему я не вижу окон? Неужели мы весь путь и будем сидеть, как в тюрьме, не видя, что вокруг нас делается? Это электрическое освещение ведь надоест до крайности.

— Окна у нас имеются со всех сторон корабля, не беспокойтесь, — отвечал Краснов. — Только они теперь пока закрыты, чтобы не разбились от толчка. А когда мы вылетим в пространство, солнечный свет заменит нам электрический, который нам будет светить только сначала. Электричество — это бесподобная вещь: оно будет нас и освещать, и согревать, и обед нам готовить.

— Не нужны ли вам, господа, деньги? — спросила Мэри. — Пожалуйста, говорите, пока не поздно. У меня их, кажется, очень много, более миллиона, и они мне теперь, как жительнице Марса, совсем не нужны.

— Очень благодарны! — отвечал Русаков. — Глубоко ценим ваше предложение, но должны от него отказаться только потому, что нам также деньги будут уже бесполезны: все необходимое в дороге у нас будет, а без роскоши мы обойдемся.

— Напрасно отказываетесь; вы этим меня сильно огорчаете. Зачем отказываться от роскоши и комфорта, если они нам доступны!

— Ну, хорошо. Мы поручаем вам меблировать корабль и приобрести необходимый дорожный инвентарь.

— Охотно принимаю это почетное поручение и постараюсь не ударить лицом в грязь. Земля не должна вызвать порицания на Марсе.

— Но предупреждаю, что вам будет очень много работы. Видите, корабль совершенно пустой. А нужно все закупить и покончить все дела к десятому сентября.

— Тем лучше, что много дела: я, следовательно, не буду скучать. Чтобы не тратить напрасно времени, я отправляюсь сейчас по делам. Вечером я буду снова у вас. Вы же приготовьте мне список нужных вещей, и завтра я начну ездить по магазинам. До свидания!

— Не смеем удерживать, — сказал профессор. — Смотрите же, вечером приезжайте снова, мы так рады будем вам.

Мэри уехала.

— Какая симпатичная девушка! — заметил Русаков. — Я очень рад, очень рад, что она едет с нами.

Но если кто был этому особенно рад, так это Петр Петрович Шведов. Юный математик сразу влюбился по уши в хорошенькую англичанку. Она целый день не выходила у него из головы, как он ни старался увлечься работой; он с нетерпением ждал вечера. Наконец он не выдержал, оставил работу и пошел погулять по городу, чтобы немного освежиться. Но в городе его ожидал сюрприз, который совершенно испортил его настроение духа. На одной из больших улиц Шведов чуть не столкнулся с господином средних лет. Подняв голову, он с ужасом увидел, что это был не кто иной, как профессор физики Лессинг. Под влиянием постоянных речей Русакова о зловредности Лессинга Шведов и сам привык считать Лессинга самым опасным для них человеком. Профессор, конечно, не узнал Шведова, так как последний значительно изменился за четыре года; но зато Шведов узнал Лессинга с первого взгляда. Это событие так взволновало юношу, что он немедленно возвратился домой.

Он решил никому не говорить о своей встрече, чтобы не тревожить друзей, особенно Русакова.

Вечером он успокоился, так как к ним снова приехала мисс Эдвардс, которая провела с ними весь вечер. Они долго разговаривали о предстоящем путешествии, пили чай, играли в карты. Мэри уехала только в два часа ночи, успев очаровать всех троих математиков.

Наступило 11-е сентября. Мэри в течение месяца проводила целые дни на Риджент-стрит, занимаясь меблировкой «Галилея». Корабль был отделан на славу. Мэри с честью выполнила возложенное на нее поручение. «Галилей» блистал ценными и дорогими предметами, установленными необыкновенно уютно и прочно. В своей маленькой каюте наверху каждый из четырех пассажиров «Галилея» мог найти все, что только пришло бы в голову самому прихотливому человеку. В каждой комнатке были койка, письменный стол со всеми необходимыми принадлежностями, туалетный столик, шкаф для платья и белья, кресло и по два стула. Здесь же были электрическая лампа для освещения и электрическая печь на случай холода. Каждая комнатка имела по одному окну, которые пока были наглухо закрыты. В общей зале около стены стояли два шкафа с дорожной библиотекой. Здесь же была и столовая «Галилея». Среди комнаты находился круглый стол; у стен стояли две кушетки, ряд кресел, пианино, изящные столики и прочая мебель. Окна и здесь пока были закрыты. Кладовые были переполнены съестными припасами. Посуды, а также белья и платья был взят достаточный запас. Путешественники взяли с собою для сведения жителей Марса много предметов, наглядно свидетельствующих о земной цивилизации, например, фотографический аппарат, фонограф, стереоскоп и проч. Все это также находилось в общей зале. 10-го сентября все было окончательно установлено, проверено по списку и накрепко упаковано.

Краснов раньше всех проснулся 11-го сентября и тотчас же отправился в машинное отделение. Он внимательно осмотрел все части механизма. Было бы очень досадно, если бы в критический момент оказалась какая-нибудь не-

исправность. Но Краснов мог быть спокоен: все работы велись под его личным наблюдением, и неисправности нигде не оказалось. Часам к двенадцати приехала Мэри, которая в этот день была уже в светлом платье, так как решила вместе с своим траурным костюмом оставить на Земле свое горе и начать на Марсе новую жизнь. Друзья позавтракали на Земле в последний раз и стали готовиться к отъезду. Под руководством Краснова внимательно обошли еще раз все машинное отделение, а также проверили дорожный инвентарь. Все было в порядке, только Русаков не нашел в кармане своей записной книжечки с вычислениями. Сначала было это обстоятельство его взволновало; он не мог вспомнить, где мог он ее выронить; если бы она попала в чужие руки, то планы их были бы отчасти обнаружены. Однако Шведову и Краснову удалось его скоро успокоить: вряд ли кто мог понять, что в сущности означают его вычисления; а если бы это и случилось, то теперь их действиям уже никто не помешает: через несколько часов они оставят Землю.

В семь часов наши путешественники распрощались с Землей и вошли внутрь «Галилея». Краснов герметически закрыл отверстие, и наши друзья оказались наглухо запертými в своем корабле. Они сели в общей зале, которая имела красивый и несколько фантастический вид. Совершенно круглая, с закрытыми окнами, залитая электрическим светом, она поражала своей роскошью и оригинальностью. Бархатная мебель, богатые картины на стенах и лепные изображения на потолке были расположены с большим вкусом, и в целом зала имела вид необыкновенно роскошный и в то же время уютный. Лестница, соединявшая залу с нижним этажом и верхними комнатами, скрывалась красивой драпировкой. Краснов сел в кресло подле электрического аппарата, который должен был привести в движение механизм, и положил перед собой хронометр, тщательно выверенный. Профессор в заметном волнении расхаживал по комнате, а Мэри и Шведов сидели вдали от Краснова на кушетке.

— Итак, прощай, Земля! — сказала Мэри.

— Что день грядущий нам готовит? — продекламировал Шведов. — А что, если мы не выдержим толчка и разобьем себе головы?

Краснов возмутился.

— Вечно у вас всякие нелепые сомнения! Это о мягкито стены или мебель вы боитесь разбить свою драгоценную голову?

— Если вы, Петр Петрович, боитесь толчка, — сказала Мэри, — я советовала бы вам уйти в свою комнату и лечь в постель.

— Нет, нет, нет, последние минуты на Земле мы должны провести вместе, — решительно сказал профессор.

— А что, если на Марсе нет атмосферы? — не унимался Шведов.

— А что, если нет и самого Марса? — в тон ему проговорил Краснов. — А что, если Земля стоит на трех китах?..

— Чего вы злитесь? Я ведь только шучу. Если бы я в самом деле сомневался хоть немного, я бы не поехал с вами. Разве можно математику сомневаться в том, что так строгонаучно доказано!

— А как, однако, неприятно это выжидательное бездействие! — сказал Русаков, шагая по комнате.

— Не хотите ли в винт? — пошутила Мэри.

— Нет, теперь не до винта.

— А сколько времени, Николай Александрович? — спросила Мэри.

— Двадцать минут восьмого.

— Уже? Однако ждать-то недолго. Не заметим, как и пролетят последние минуты нашей земной жизни и настанет новое бытие.

— Будем надеяться, что не загробное, — заметил Русаков.

— О, нет! — воскликнула Мэри. — Тогда лишь и начнется у нас настоящая жизнь, как пробьет третий звонок, и Николай Александрович двинет свой поезд.

В таких разговорах незаметно прошло время, пока Краснов, не спуская глаз с хронометра, не объявил:

— Восемь часов шесть минут!

— Да? Только шесть минут осталось?

— Ну, господа, принимайте позы поудобней, — сказал Краснов.

— Уходите, Петр Петрович, — сказала Мэри, — я помещусь одна на этой кушетке.

Шведов пересел на соседнее кресло. Профессор занял другую кушетку, а Краснов не изменял своей позы над аппаратом.

— Сколько времени остается? — снова спросила Мэри, когда все расположились на своих местах.

— Восемь минут, двадцать две секунды.

— Еще целых четыре минуты! За это время Петр Петрович успеет еще раз посориться с Николаем Александровичем.

— Нет, я лучше уже буду молчать, — сказал Шведов.

— И хорошо сделаете, — заметил Краснов.

— Одиннадцать минут! — сказал Краснов.

— Ай! — вскрикнула Мэри. — Одна минута! Нужно теперь крепко держаться, не то подбросит меня с этой кушетки прямо на голову уважаемому профессору! Ну, скоро? А? Скоро?

Краснов молчал и не спускал глаз с хронометра.

— Прощай, Земля! — повторила Мэри.

В это мгновение Краснов сильно нажал кнопку. «Галилей» весь как-то дрогнул и подбросил вверх своих пассажиров. Однако все обошлось благополучно, и мягкие стены спасли всех от ушибов. Все свершилось настолько тихо и незаметно, что не верилось, в самом ли деле снаряд дал нужный толчок. Краснов бросился к одному окну и порывисто стал отвинчивать гайки, закрывавшие его. Через минуту внутренняя закладка отпала. Краснов надавил электрическую пружинку, — отпала внешняя закладка и обнаружилось эллиптическое окно, сделанное из толстого хрусталя. Все бросилось к окну. Земля тянулась внизу темной тучей, причем море резко отличалось от суши серебристым светом. Где находился Лондон, о том можно было только догадываться. Через несколько секунд земля заволочлась

какой-то дымкой, и уже трудно было отличить море от суши.

— Как просто это произошло, однако! — сказала Мэри.

— А вы разве ждали грома и молний? — спросил Краснов.

— Нет, но все-таки думала, что произойдет немало пертурбаций.

— Ну, господа, — торжественно проговорил профессор: — наши работы кончены, и нам остается ждать только результатов. Будем коротать время до тех пор, пока Марс не примет в число своих жителей четырех новых членов. Из земных обитателей всех времен до сих пор никто не был на Марсе. Эта честь выпадает на нашу долю.

— Да, на нашу долю, Виктор Павлович! — раздался вдруг позади него голос.

Все оглянулись.

Перед ними стоял профессор Лессинг.

V.

В первую минуту все остолбенели и не могли выговорить слова от изумления. Лессинг молча стоял подле лестницы, слегка улыбаясь, и ожидал, что ему скажут. Наконец Русаков первый опомнился и сделал шаг вперед:

— Как вы смели, милостивый государь, забраться сюда воровским образом?

— Не волнуйтесь, Виктор Павлович, — отвечал Лессинг, не изменяя своей позы; — вы ведь сами жаждали, чтобы Лессинг поскорее узнал о ваших работах и путешествии на Марс. Вот он и узнал, и вам незачем отправлять с Марса де-пеши.

— Как! У вас еще хватает наглости трунить надо мной! — горячился Русаков. — Вы забываете, что нас четверо против вас одного, что мы можем сию же минуту выбросить вас вон из корабля, и вы шлепнетесь на землю!..

— Охота вам, Виктор Павлович, чепуху говорить! Ведь вы не можете этого сделать.

— А почему, почему?

— Да потому, что вы все — прекрасные люди и отнюдь не способны на такое злодеяние. Разве возможно, чтобы люди науки лишили жизни одного из своих товарищей! Я надеюсь, что во имя гостеприимства вы больше не будете мне делать упреков за мое самовольное появление. Прошу, господа, в этом у вас всех прощения, но иначе поступить я не мог. Я готов пожертвовать жизнью за то, чтобы побывать на Марсе, а для этого у меня не было другого средства, кроме того, которым я воспользовался. Надеюсь, что вы более любезно примете профессора Лессинга, чем Виктор Павлович.

— Конечно, конечно! — сказала Мэри, обменявшись взглядами с Красновым и Шведовым. — Мы рады вам, господин профессор, а я просто в восторге оттого, что на «Галилее» стало больше еще одним ученым. За что собственно вы не любите, Виктор Павлович, господина Лессинга?

— Это мой заклятый враг.

Лессинг расхохотался.

— Неужели вы это серьезно говорите, Виктор Павлович? Этого я, признаться, уж не ожидал. Какой же я вам враг, Виктор Павлович? И не грех вам при других так называть старого друга и сослуживца? Могут подумать, что у нас с вами в самом деле есть какие-то старые счеты. А разве я вам сделал что-нибудь дурное?

— Дурное? Дурное? — горячился Русаков. — А кто постоянно издевался надо мной и в профессорской и на заседаниях физико-математического общества? Это вы забыли?

— Ну, а еще?

— Еще, еще? А помните, Иван Иванович, как однажды мы с вами были экзаменаторами на полукурсовых испытаниях, и я хотел уйти с экзамена, а вы меня не пустили? Я забыл галстук надеть, а вы говорите, что я не имею права уйти, что я на службе; а студенты смеются...

— Ну, господа, теперь судите меня с Виктором Павловичем! — сказал Лессинг, обращаясь к остальным.

— Какой же вы злока, Виктор Павлович! — вскрикнула Мэри. — И не стыдно вам сердиться из-за таких пустяков?

— Да разве Виктор Павлович действительно сердится! — сказал Лессинг. — Мы с ним большие приятели, а он только хотел перещеголять меня научными исследованиями. Ну, что ж, я признаю свое поражение. По рукам, Виктор Павлович! Да как бы вы были-то без меня? Мы с вами вдвоем ведь целый факультет; на Земле в нашем университете осталась одна мелочь.

— Это правда, это правда!

— Так не будете на меня дуться?

— Как, господа, тут быть? — обратился Русаков к остальным. — Что мне делать с Лессингом?

— Поблагодарить за компанию! — сказал Шведов.

— И предложить кресло гостю! — прибавил Краснов, придвигая Лессингу кресло.

Лессинг улыбнулся и сел.

— Так, значит, это электричество шнырнуло нас на Марс? Когда же эта машина нас доставит к месту?

— Пятого апреля будущего года, — ответила Мэри.

— К этому времени я обещал ректору возвратиться из командировки, — медиков экзаменовать. А тут вот такая оказия вышла...

— Но где же нам вас поместить, господин профессор? — спросила Мэри.

— Это где я спать-то буду?

— Да, у нас только четыре комнатки.

— Так мы с Виктором Павловичем в одной будем жить, а заниматься я буду сюда приходить. Он пусть у себя занимается, а то здесь он беспорядку наделает; а я вот на этом столе буду работать. Спать будем вместе. Койки все широкие. Я лазил смотреть.

— Это вы, Шведов, выдумали этот снаряд?

— Нет, Николай Александрович Краснов, — отвечал Шведов, — он у нас мастер на все руки.

— Николай Александрович все знает! — заявила Мэри. — Он даже взял какой-то интеграл, которого и сам Виктор Павлович не решил.

— Вот как!

— И зачем это Лессингу рассказывать? — напустился Русаков на Мэри. — Болтает без толку!.. А Лессинг станет опять смеяться!

— Нет, это очень интересно. Как так профессор Русаков не мог взять интеграла! — пристал Лессинг.

— Вы его тоже не возьмете.

— А может быть, возьму.

— А ну, делайте!

Русаков вынул из кармана клочок бумаги и, написав на нем интеграл, подал Лессингу. Тот посмотрел и сел к столу.

— Не возьмет, не возьмет! — суетился Русаков. — Он плохо знает интегральное исчисление, ему нужно еще простую алгебру повторить... Ну, что, что? Решили? А еще председатель математического общества!

— Вы не мешайте мне, Виктор Павлович! Я лучше пойду в вашу комнату. Какая там ваша?

— Там моя шапка лежит.

— Ну, где я буду искать по всем комнатам вашу шапку?

— Пойдемте, господин профессор, я вам покажу, — предложила Мэри.

— Идемте. Вы, барышня, что же, вероятно, вторая Ковалевская?

— О, нет! Я совсем не знаю математики.

Они поднялись вверх.

Не прошло и десяти минут после ухода Лессинга из залы, как он снова возвратился и, улыбаясь, подал Русакову исписанный листок бумаги со словами:

— Это вот как берется, Виктор Павлович!

Русаков был убит. Лессинг взял интеграл совершенно тем же приемом, как решил его четыре года тому назад сам Краснов. Русаков сконфузился.

— Ну, что ж, что ж! — бормотал он. — Хорошо, делает вам честь... У меня тогда голова была не свежа, я плохо соображал... А Иван Иванович сразу понял суть дела.

— Нет, Виктор Павлович, суть дела понял только Краснов, а мы с вами оба лишь школьники, а не профессора. Я так же, как и вы, считал интеграл эллиптическим, пока не прочел его решение в вашей книжечке.

С этими словами Лессинг подал Русакову его потерянную записную книжечку с вычислениями.

— Где вы ее взяли? — изумился тот. — Так это вы стащили у меня этот важный документ?

— Я не стащил, а только поднял на улице. Разве я виноват, что вы разбрасываете по тротуарам такие заметки? Во всяком случае, я вам очень благодарен, Виктор Павлович: благодаря вашей способности терять ценные бумаги, я получил возможность отправиться на Марс. Когда я рассмотрел эти заметки, я вскрикнул от изумления: такие там были поразительные выводы по механике! Я тогда целую ночь не спал, потому что не мог оторваться от ваших вычислений. Возможность посетить Марс, без сомнения, должна поразить каждого мыслящего человека.

— Как же вы могли догадаться, что дело идет именно о Марсе? В моей книжечке ни слова об этом не говорится, стоят лишь одни голые вычисления.

— Да ведь я тоже математик, Виктор Павлович! Для меня не требовалось никаких пояснительных надписей. Все написано в самих вычислениях.

— Все-таки не понимаю, не понимаю...

— Да ведь расстояние от Марса до Земли во время его оппозиции было у вас выставлено? Масса Марса была дана? В формуле живых сил данные Марса и Земли были помечены? В задаче о трех телах массы и взаимные расстояния Солнца, Земли и Марса были выписаны? Согласитесь, что этого для меня было вполне достаточно, чтобы понять, о чем идет речь.

— Конечно, — подтвердил Краснов. — Ах, Виктор Павлович, Виктор Павлович, как вы неосторожны!

— Виктор Павлович был настолько любезен, — продолжал Лессинг, — что даже выписал в своей книжечке адрес доктора Гаукинса на Риджент-стрит. Словом, все складывалось так, как будто сам Виктор Павлович приглашал меня сопутствовать ему в путешествии на Марс. Заметьте, господа, что почерк Виктора Павловича я прекрасно знаю, а потому сразу понял, кто автор найденных мною заметок.

Русаков при этих словах даже подпрыгнул.

— Вот скандал, вот скандал! Ну и вляпался же я! — проговорил он.

— Конечно, в следующую же ночь я был на Риджент-стрите, увидел в освещенное окно Виктора Павловича и потихоньку осмотрел ваши сооружения. Я знал, что Виктор Павлович на меня дуется, а потому решил добиться возможности посетить Марс хитростью... Если бы вы знали, господа, сколько за это время я перенес страха и волнений! Каково это ординарному профессору, доктору физики, лазить впотьмах, подобно вору, прислушиваясь к каждому шороху! Прошлую ночь я дежурил на улице часов пять, пока вы не улеглись спать, и я мог незаметно прокрасться на судно. Нужные вещи я раньше перенес...

— Мы рады вам, господин профессор, — сказала Мэри, — но только я, как хозяйка, наперед вам заявляю, чтобы вы не смели больше обижать Виктора Павловича, а то вам достанется от меня... Я уж вам придумаю какое-нибудь на-

казание. Вообще, господа, я вам объявляю, что я заведу на «Галилее» строгий порядок и субординацию. А то ведь вы все — математики: если вас не держать в ежовых рукавицах, то тут беспорядков не оберешься.

— При чем здесь слово «математики»? — спросил Лессинг.

— Математики — взрослые дети. Вам лишь бы интегрировать, а там вы и спать и есть забудете. Вот, например, никто не вспомнит, что мы еще ничего не ели. Пора обедать. Кто мне пойдет помогать?

Вызвался Шведов и вместе с Мэри отправился вниз. Через полчаса стол был накрыт на пять приборов, и начался первый обед в пространстве за пределами земной атмосферы.

Жизнь путешественников с первых же дней вошла в нормальную колею. Русаков, конечно, сидел над своими математическими работами. Краснов большую часть времени проводил с Лессингом, разъясняя профессору подробности своих сооружений и возбуждая по этому поводу различные научные вопросы. Шведов постоянно находился в комнате Мэри: молодые люди затянули любовную канитель, хотя этого пока еще никто не замечал, потому что ученые, устремляясь в мыслях к пределам бесконечности, обыкновенно не видят ничего у себя под носом. Русаков однажды, совершенно, впрочем, случайно и без всякой задней мысли, сконфузил нашу парочку и заставил Шведова потупить глаза. Как-то за обедом профессор выпалил вдруг такую фразу:

— Вот что, господа! Я не хочу спать с Лессингом на одной кровати: он страшно храпит, а я этого не люблю. Женитесь, Шведов, скорей на мисс Мэри, и комната освободится.

Краснов и Лессинг расхохотались и стали поддерживать Русакова. Шведов переконфузился и не нашелся, что ответить. Мэри слегка покраснела, но не потерялась и сказала:

— Вместо того, Виктор Павлович, чтобы заботиться о моем браке, подумали бы вы лучше о моем образовании! А

то в самом деле, — какое ненормальное явление: еду на Марс с целым математическим факультетом, и остаюсь полным профаном в математике! А еще сами обещали мне читать лекции.

Можно себе представить радость Русакова.

— Как! Вы хотите слушать лекции? Хотите слушать лекции?

— Непременно. Я со всех сторон только и слышу: «дифференциал, интеграл», и ничего не понимаю. Пока долетим до Марса, я должна узнать не меньше того, что знают студенты-математики двух-трех первых семестров.

Все общество горячо отнеслось к желанию Мэри слушать математические науки. Тут же после недолгих споров были разделены предметы преподавания. Виктор Павлович должен был читать повторительный курс элементарной математики, а затем прямолинейную и сферическую тригонометрию; Лессинг, конечно, взял механику и физику; Краснов — аналитическую геометрию и астрономию, а Шведов — высшую алгебру и дифференциальное исчисление. Метеорология, как наука исключительно земная, в программу не вошла. Каждая лекция должна была продолжаться около получаса, и в общей сложности занятия должны были отнимать не больше двух часов в сутки. Деканом летучего факультета единогласно был избран Виктор Павлович.

— Итак, следовательно, завтра вы начнете меня просвещать? — спросила Мэри.

— Да, завтра, завтра! — отвечал Русаков. — А все-таки, Иван Иванович, если вы не перестанете храпеть, я не хочу с вами жить в одной комнате.

— Если вы не можете ужитья вместе, — сказала Мэри: — то можно кому-нибудь поместиться здесь в зале. Легко можно даже отделить целую комнату.

— Да переселяйтесь ко мне, Иван Иванович, — предложил Краснов.

— А вот и отлично, — согласился Лессинг. — Только вы, Виктор Павлович, пожалеете, когда меня не будет с вами: вам будет скучно без меня.

— Нисколько; очень буду рад, что вас не будет.

На другой день в десять часов утра Виктор Павлович открыл занятия в своем маленьком университете и начал первую лекцию математики. Аудиторией была избрана комната самой слушательницы, куда поочередно должны были являться лекторы согласно составленному расписанию. Кроме очередного лектора, в данное время никто другой сюда не допускался. Это было решено Русаковым в видах успешности занятий, так как присутствие третьего лица, хотя бы и ученого, могло, по его мнению, способствовать рассеянности слушательницы.

Удачнее всего шли лекции высшей алгебры и дифференциальных исчислений, потому что, вместо назначенного получаса, Шведов оставался в аудитории часа два с половиною, после чего молодые люди являлись вместе в залу прямо к завтраку с сияющими глазами и раскрасневшимися лицами, очевидно, — от увлечения наукой.

VI.

Прошло полгода с тех пор, как «Галилей» с своими пятью пассажирами оставил Землю. За это время, конечно, много воды утекло. Что делалось теперь на Земле, о том наши друзья не знали, да мало этим и интересовались. В их маленьком мирке было много событий, занимавших их больше, нежели земные войны и революции. За эти полгода, например, успел жениться Шведов на Мэри. Виктор Павлович, как декан профессорской корпорации «Галилея», сначала было и слышать не хотел о том, чтобы их единственная студентка выходила замуж, говоря, что тогда она окончательно пропадет для науки; но потом смягчился и только категорически ей заявил, что до тех пор не выдаст ей свидетельства на брак, пока она не выдержит семестрового экзамена из выслушанных ею математических наук по утвержденной им, Виктором Павловичем, программе. На это Мэри ответила профессору, что он забывает, где находится, что «Галилей» — не Россия, что здесь никаких свидетельств не полагается, а потому она может выйти замуж и без разрешения, но Русаков сказал, что ни он, ни Лессинг до экзамена не дадут благословения на брак, а Шведова, в случае непослушания, исключат из своей профессорской корпорации.

Нечего было делать. Пришлось готовиться к экзамену по программам, составленным профессорами и утвержденным Русаковым. Мэри добросовестно просидела в своей комнате над учебниками два месяца, отказавшись от винта, чтения и музыки. Винт был одним из любимых развлечений на «Галилее», и даже Краснов, раньше мало игравший, к концу путешествия сделался завзятым картежником. За картами разгорались жестокие споры, особенно доставалось Лессингу от Русакова: профессор физики играл довольно рассеянно, кроме того, ему страшно не везло, в силу чего он успел на «Галилее» проиграть в карты несколько сот тысяч рублей, которые должен был уплатить по

возвращении на Землю, в чем выдал своим кредиторам расписки, которые Краснов и Шведов сейчас же уничтожили, а Русаков тщательно спрятал в карман.

Шведов несколько раз пытался заходить к Мэри, выводящей свои формулы, чтобы помочь ей заниматься, но Русаков, заметив это, строго-настрого запретил ему входить в комнату своей невесты до брака, за исключением часов, когда по расписанию полагалась его лекция. Наконец, Мэри собралась с духом и однажды заявила Русакову, что готова держать экзамен. На другой же день приступили к испытанию. Шведов, как лицо заинтересованное, не был избран экзаменатором, и комиссия составила из Русакова, Лессинга и Краснова. Лучшие познания студентка обнаружила по аналитической геометрии и получила круглое 5, за что Виктор Павлович изъявил профессору Краснову благодарность от факультета за образцовое преподавание. По механике, физике, астрономии, элементарной математике и сферической тригонометрии, Мэри получила по 4. Что же касается дифференциального исчисления и высшей алгебры, то по ним она ответила еле-еле на тройку. Это были именно те предметы, которые ей читал жених. Поэтому после экзамена Русаков сказал Шведову:

— Вы, должно быть, с ней все целовались, а не задачи решали!

Так или иначе, но экзамены Мэри выдержала успешно. За обедом выпили за здоровье Мэри и Шведова.

— Ну, вот теперь я не буду спорить, — сказал Русаков. — Теперь и я вас благословляю — впредь до скрепления ваших уз на Земле.

— Теперь и время самое подходящее для женитьбы, — сказал Лессинг, — у нас в России теперь весна.

Это было первого марта. Через месяц с небольшим, пятого апреля, они должны были прибыть на Марс. «Галилей» уже настолько приблизился к нему, что планета теперь казалась большим диском, диаметр которого превосходил видимый с земной поверхности диаметр Луны. Через какой-нибудь месяц перед ними откроется новый мир, начнется новая жизнь: что она даст им? что они увидят?

Русаков за время путешествия успел написать учебник по вариационному исчислению, хотя Лессинг и советовал ему не терять напрасно времени, потому что на Землю вряд ли они возвратятся, а на Марсе математика преподается, конечно, на иных началах. Сам Лессинг за это время ничего не сделал для науки, а по целым часам просиживал над латинской грамматикой, неизвестно, с какой целью. Когда его о том спрашивали, он весьма серьезно отвечал, что на Марсе непременно должны говорить по латыни, на что Русаков неизменно повторял:

— Лессинг с ума спятил, с ума спятил!

С первых чисел марта замедленная скорость «Галилея» стала возрастать и очень заметно: теперь оказывал на корабль притяжение Марс, и это притяжение все усиливалось по мере уменьшения расстояния. Мэри, зная уже, что по законам физики скорость «Галилея» должна возрастать прямо пропорционально квадрату расстояния до Марса, предложила Краснову вопрос о том, что если скорость движения их судна так сильно возрастает, то не разобьется ли «Галилей» при падении с своими пассажирами вдребезги?

— Вот так вопрос! — отвечал Краснов, — за кого же вы меня считаете, чтобы я не предвидел этого обстоятельства! Конечно, в последний момент скорость будет такая ужасная, что никакой снаряд не уцелел бы от толчка. А наш «Галилей» не должен даже и погнуться. Над этим важным пунктом я не мало потрудился. Наш «Галилей» не просто дом для жилья, а очень сложный механизм. Мы снабжены такими электрическими приспособлениями, что, приведя их, когда нужно, в действие, мы плавно опустимся на Марс с самой ничтожной скоростью. С последних чисел марта нужно учредить дежурство для наблюдения за Марсом. Ведь дело идет о нашей жизни.

Шли дни за днями. Марс принимал все большие и большие размеры. Ясно можно было различить и материки, и моря, и острова, и каналы. Явилось опасение, что «Галилей» может упасть не на сушу, а в море; хотя он, конечно, не потонет, тем не менее в этом плаваньи не было

бы ничего хорошего. — Сходство Марса с Землей было поразительное, только распределение суши и воды было более равномерно. Чем больше приближался Марс, тем более волновались пассажиры «Галилея». Русаков перестал даже задачи решать, а по целым часам смотрел в окно. Лессинг чаще прежнего бросал беседу с классиками, заменяя ее разговором с Красновым, с которым он очень подружился; их связывали научные интересы, и Краснов для Лессинга являлся более подходящим собеседником, нежели Русаков и Шведов: Русаков слишком узко смотрел на науку, оказывая из всех точных наук слишком большое предпочтение чистой математике; что же касается Шведова, то он, видимо, умер для науки и редко показывался с женой из своей кельи; да и понятно: для молодой четы ведь начался медовый месяц. Русаков, когда оставался с Шведовым вдвоем в комнате, всякий раз укоризненно качал головой и повторял:

— Променял, променял науку на девчонку!

Пятого числа все ждали с нетерпением. Каждому, несмотря на комфорт и удобства, которыми он пользовался на «Галилее», хотелось все-таки побольше свободы и простора, а также слишком уже овладевало нетерпение увидеть другую планету.

А скорость «Галилея» все росла и росла. Движение усиливалось, как говорится, не по дням, а по часам. К концу марта Марс казался огромной тучей странной формы и вида, надвигавшейся на корабль. Предположениям и гипотезам относительно образа жизни на Марсе не было конца. Все были согласны с тем, что жители Марса — люди цивилизованные, и культура там стоит высоко, но что это за существа? какой у них внешний вид? чем отличаются мужчины от женщин и какой пол там господствует?

— А мне кажется, — сказал, улыбаясь, Краснов, — что там нет ни мужчин, ни женщин.

— Как так? — удивилась Мэри.

— Да почему вы думаете, что там всего лишь два пола? Это водится только на нашей отсталой Земле. А на Марсе, как на планете более развитой, больше простора и разви-

тию всех жизненных форм. Поэтому там должно быть не два пола, а N.

— Чему же равняется N?

— Почем я знаю? Пяти, шести!.. Словом, целому числу.

— Положительному или отрицательному? — спросил Шведов.

— И тому, и другому. Может быть, там нуль полов, что будет означать отсутствие людей, а, может быть, там и минус четыре, и минус пять полов.

— Но что же значит отрицательный пол? — недоумевала Мэри.

— А это будет значить, что вместо людей там живут лишь черты, тени, духи и, пожалуй, спириты.

— Все это вздор! — возразил Лессинг. — На Марсе живут только греки, римляне и покойный Михаил Никифорович Катков*.

— Да ведь он умер! Откуда же он там возьмется? — возразил в свою очередь Краснов.

— По вашей же теории Марс есть жилище теней и покойников.

— Так я могу там встретить своего Эдуарда? — испугалась Мэри. — Боже!.. А я клялась быть ему верной до смерти...

— Придется, мой друг, из-за тебя еще на дуэли драться на Марсе, — заметил Шведов.

Русаков в этом разговоре не участвовал, так как им при приближении Марса овладело поэтическое настроение, и он, запершись у себя в комнате, сочинял стихи. Этим он несказанно изумил своих спутников; все думали, что Русаков по-прежнему занимается математикой, и были сильно поражены, когда Виктор Павлович прочел вдруг целую поэ-

---

* М. Н. Катков (1818-1887) — влиятельный консервативный русский публицист, журналист, издатель, литературный критик, отличавшийся националистическо-охранительными взглядами; с 1863 г. редактор-арендатор газ. «Московские ведомости» (*Прим. изд.*).

му своего сочинения. Поэма была довольно туманного содержания: в ней говорилось и про любовь, цветы и луну, и про исчисление конечных разностей; упоминался ряд Тэйлора и его остаточный член, говорилось и про терзания сердец двух любящих молодых людей.

— Вот так фортель! — воскликнул Лессинг. — Если бы это Петр Петрович написал, я бы не удивился: мало ли каких штук не выкидывают влюбленные! Но Виктор Павлович, Виктор Павлович...

— Что это вам вздумалось, Виктор Павлович? — спросила Мэри. — Такой великий математик и сочиняет стихи!

— А вот потому-то я и сочинил, что я — математик. Вы думаете, что математик в поэзии ничего не понимает? А я вот вам и хотел доказать, что хороший поэт непременно должен быть математиком, а хороший математик должен уметь писать стихи... Математика и поэзия — это синонимы. И чем поэт остроумнее, тем ему легче дается математика. Сама Ковалевская...

— Позвольте, Виктор Павлович, — возразил Лессинг, — разве мы мало знаем поэтов, которые понятия не имеют о математике!

— То плохие, плохие поэты! Хороший поэт обязательно должен быть геометром. Вот Боккачио...

— Помилуйте, Виктор Павлович! Боккачио не знал математики.

— Не знал, не знал! Что ж из этого? Не знал потому, что не учился. А если бы стал учиться, из него вышел бы первоклассный геометр. В поэзии остроумие так же необходимо, как и в интегральном исчислении. Стихи сочинять — все равно, что задачи решать.

— Нельзя сказать, Виктор Павлович, что ваша догадка о том, будто из Боккачио вышел бы ученый, если бы он занимался математикой, особенно остроумна, — заметил Краснов.

Все засмеялись. Разговор о поэзии на этом прекратился.

Прошло еще несколько дней. Теперь Марс казался на расстоянии какой-нибудь версты, хотя действительное его

расстояние было еще очень значительно. Размеры его казались огромными. С 28-го марта учредили полусуточное дежурство для наблюдения за Марсом. Хотя по вычислениям оставалась еще целая неделя пути, однако, ввиду возможной погрешности в вычислениях, необходимо было быть наготове. Дежурному вменялось в обязанность немедленно привести в действие механизм, который должен был оказать противодействие скорости падения «Галилея» в последний момент и тем спасти судно с его пассажирами от гибели, лишь только корабль вступит в область атмосферы Марса. Начало атмосферы определить легко, так как здесь небесная сфера непременно должна получить какую-нибудь окраску, вероятнее всего голубую, как и на Земле. Пространство же от начала атмосферы до поверхности планеты «Галилей» должен был пролетать даже с уменьшенной скоростью от противодействия снаряда, — всего лишь несколько минут.

Математическому анализу и тонкости соображений наших ученых предстояло полное торжество. Вычисления оказались безукоризненно правильными. Прошло 4-е апреля, а Марс находился, как казалось, все в прежнем расстоянии. В 12 часов ночи очередное дежурство принял Краснов. Сначала никто было не хотел ложиться спать в эту последнюю ночь на «Галилее». Все решили провести ее вместе и так же волновались, как семь месяцев тому назад, когда ожидали на Земле полета. Солнце ярко светило в окно. Ночи наши ученые не видели за все время своего путешествия: Земля не заслоняла солнечных лучей и дни узнавались только по хронометру; когда ложились спать, то делали искусственную темноту, закрывая ставни окон. Пока никаких признаков атмосферы не было заметно. Краснов, как и в роковой день 11-го сентября, был серьезен и сидел на прежнем месте, приблизив к себе проволоку от аппарата; но только его взор был устремлен теперь не на хронометр, а в окно. Шведов экзаменовал Лессинга по латинскому языку, а Мэри и Русаков играли за столом в «свои козыри». Однако, компания провела таким образом время только до пяти часов утра. Русаков первый не выдержал и захотел

спать, сказав, уходя в свою комнату, что этого Марса никогда не дождешься. Скоро его примеру последовали и супруги Шведовы. Лессинг бодрился дольше других, но в конце концов должен был также покинуть Краснова: Лессинг дежурил прошлую ночь, а днем ему не дал спать Виктор Павлович, который завел речь о том, что экспериментальная физика — вздор.

Краснов остался один на своем посту. Ему также хотелось спать, но мысль о возможной опасности заставляла его бодро смотреть в окно. Не закрывая ни на минуту глаз, он просидел так до 11-ти часов, как вдруг заметил, что в его глазах даль как бы заволакивается туманом. Протерев глаза, он уже увидел, что в окно глядит голубая лазурь, по которой плавают легкие облака. Краснов довольно улыбнулся, поняв, в чем дело, и моментально замкнул ток от аппарата. «Галилей» сильно дрогнул и в то же время раздался легкий треск: одно из окон в зале не выдержало толчка и разбилось; осколки посыпались на пол. Испуганный Краснов бросился закрывать ставни, чтобы воздух не вышел и не рассеялся в пространстве, так как на более или менее отдаленном расстоянии от Марса атмосфера должна быть еще достаточно разреженной. Но тревога его была напрасна, — в окно дул легкий ветерок: «Галилей», следовательно, уже давно вступил в пределы Марса. Выглянув в разбитое окно, Краснов увидел, что «Галилей» тихо опускается вниз: неведомый мир был у него под ногами. Взглянув на хронометр, он увидел, что было четверть двенадцатого.

Проснувшись от толчка, все остальные пассажиры «Галилея» через несколько минут собрались в зале. Краснов молча и торжественно указал им на разбитое окно.

— Неужели Марс, неужели Марс? — обрадовался Русаков.

— Смотрите, и лес вдаль виден! Совсем как на Земле! — закричал Лессинг.

— Нет, вы взгляните-ка сюда! — сказал Шведов, стоя у противоположного окна. — Видите сооружения? Это мо-

жет нас совершенно успокоить. Без всякого сомнения, это город; значит, люди здесь есть.

— Где, где? — бросился Русаков к Шведову. — Конечно, город; конечно, город!

— Да, но я боюсь, что в нем живут только покойники, как говорит Иван Иванович, — жалобно сказала Мэри.

— Садитесь-ка лучше по местам да держитесь крепче, — сказал Краснов, — сейчас будет станция.

Все повиновались. «Галилей» опускался, опускался и вдруг как-то подпрыгнул, подбросил вверх своих пассажиров, опрокинулся на бок и лег неподвижно.

— Поздравляю, господа, с благополучным прибытием на воинственную планету, — сказал Краснов, сидя у потолка, куда его отбросило толчком.

— Ну, идем скорее на Марс! — сказала Мэри, — открывайте, Николай Александрович, дверь.

— Зачем дверь, зачем дверь? — сказал Русаков. — А это зачем?

И он полез в разбитое окно. Все последовали его примеру.

Через минуту все уже стояли на Марсе подле опрокинутого «Галилея» и с восторженным изумлением озирались кругом.

Перед ними открывался новый мир.

VII.

Едва только наши математики огляделись кругом в первые минуты по прибытии на Марс, прежде чем они успели принять какой-нибудь план действий, как к ним приблизилась толпа карликов человек в тридцать. Эти карлики были приблизительно в аршин росту, с длинными, нестриженными волосами и бородами. Одеты они были крайне своеобразно, причем их костюмы отличались большой пестротой. На голове каждого карлика красовалась невысокая разноцветная коническая шляпа; цветная туника, не достигавшая на вершок до низу, была перехвачена легким поясом, на котором висело много, много украшений и побрякушек; поверх туники был наброшен короткий плащ; обувь составляли высокие башмаки различного цвета. Карлики не подходили очень близко, а, остановившись на некотором расстоянии от «Галилея», с изумлением рассматривали диковинных великанов. Путешественники обрадовались столь скорой встрече с жителями Марса и решили тотчас же вступить с ними в переговоры. Лессинг выступил вперед и заговорил на латинском языке. Карлики стали вслушиваться, но на лицах их выражалось недоумение: язык Цицерона, очевидно, им был незнаком. После неудачи Лессинга стали объяснять карликам жестами, чтобы их провели в город и представили начальству, но пантомима также не имела успеха. Ученые сделали несколько шагов вперед, чтобы ближе подойти к марсианам и лучше объяснить им свои желания, но карлики, зорко следившие за каждым движением великанов, испугались и пустились бежать.

Оставшись одни, путешественники решили ожидать вторичного появления карликов, так как беглецы несомненно расскажут в городе о виденной ими диковинке, и администрация, конечно, не замедлит сделать на этот счет какие-нибудь распоряжения. И в самом деле, едва лишь наши ученые пообедали и снарядились к предстоящему путешест-

вию по Марсу, как к ним приблизился целый отряд карликов человек в пятьсот. Путешественники решили не возбуждать против себя карликов и беспрекословно подчиняться всем их требованиям, чтобы тем легче достигнуть взаимного согласия и вызвать полное к себе доверие марсиан. Отряд сопровождал металлическую клетку на колесах, вроде тех, в которых у нас содержатся зверинцев возят львов или белых медведей. Клетку везли человек пятьдесят карликов. Эта клетка, конечно, предназначалась для пленников, если их удастся взять живыми. Карлики на этот раз были вооружены какими-то сетями или арканами и длинными шестами. Нельзя было сомневаться в том, что в случае борьбы победа останется на их стороне.

Маленький начальник отряда выступил вперед и обратился к великанам с речью, которой наши друзья, конечно, не поняли, но из жестов говорившего заключили, что он предлагает им добровольно сесть в клетку. Путешественники решили исполнить его желание и среди испуганной, расступившейся толпы направились к клетке и вошли внутрь. В ту же минуту дверь автоматически закрылась, и несколько карликов бросились укреплять затворы. Начальник пришел в восторг от послушания великанов и, довольный, что так легко окончилась его опасная экспедиция, стал что-то быстро говорить пленникам; те знаками старались показать, что они не понимают его слов. Несколько человек впряглось в колесницу, остальные окружили клетку, и наших друзей куда-то повезли.

— Однако, это никуда не годится! — заворчал Русаков. — Нас, как зверей, везут в клетке! Я доктор математики...

— Да, на Земле, Виктор Павлович, — заметила Мэри, — а здесь вы ничего больше, как диковинное чудовище.

— Не возмущайтесь, Виктор Павлович, — сказал Лессинг, — ведь нам следовало ожидать того, что с нами случилось. Должны же эти человечки принять меры предосторожности. Вот скоро мы расскажем им, откуда и зачем мы приехали, объясним свои мирные намерения, — и тогда наше положение сразу изменится к лучшему.

Однако, в ожидании лучшей будущей земным ученым пришлось на первых порах испытать немало неприятностей на Марсе. Часа через полтора их привезли в город. Этот город состоял из маленьких, словно игрушечных домиков, аршина в три высоты, с плоскими крышами, большей частью одноэтажных. Большинство домиков имело цилиндрическую форму. Иногда попадались маленькие башенки аршин в восемь высоты. Ничего похожего на улицы нельзя было заметить. Домики теснились беспорядочными кучками. Между строениями росли деревья, так что вообще город казался построенным в саду или в лесу. Становилось темно, когда отряд вступил в город. Лес усиливал наступавшие сумерки. Предметы принимали фантастические очертания. Во многих домах светились огоньки. Во всем этом новом, словно сказочном мире было столько чарующей прелести и поэзии, все увиденное путешественниками на Марсе было так похоже на земное, что пленники охотно бы примирились с своей участью, если бы у них не было беспокойства за свою жизнь и благоприятный исход дела.

Колесница медленно пробиралась между деревьями, по-прежнему окруженная конвоем. Наступила уже ночь, а отряд все подвигался и подвигался вперед. Кажется, проехали уже и город; по крайней мере, домики попадались все реже и реже. Наконец пленников привезли на довольно обширную поляну, окруженную металлической оградой. Ночной мрак и деревья скрывали ее границы. Начальник отряда сделал какие-то распоряжения, после чего карлики удалились, оставив ученых одних в своей клетке, и затворили за собой ворота ограды.

— Однако, дадут ли нам поужинать? — проговорил Лесинг, — я проголодался. Эй, эй, господин маленький! Выпустите же нас из этой шкатулки!

Но на его крик не последовало никакого ответа. Прождавши напрасно несколько часов, наши друзья убедились, что к ним уже больше никто не появится, а потому им больше ничего не остается, как постараться заснуть.

Проснувшись на другой день, путешественники увидели, что двор, на котором стояла их клетка, наполнен кар-

ликами. Толпа народа тесно окружила клетку и с любопытством рассматривала диковинных великанов. Некоторые смельчаки подходили к самой клетке, но большинство не подступало к ней ближе двух аршин, видимо, опасаясь, как бы какой-нибудь из великанов не укусил смельчака, поймав его протянутой сквозь решетку рукой. Однако, мало-помалу, толпа, видя мирное поведение великанов, делалась смелей и смелей; а когда Лессинг снова заговорил на латыни, то все стихли и стали прислушиваться. Но римская речь и на этот раз осталась непонятной. Путешественники поочередно говорили с толпой на различных европейских языках, но, конечно, с одинаковым неуспехом. Наконец, Мэри стала объясняться с карликами пантомимой, показывая на рот и двигая челюстями, желая этим выразить, что они голодны. На этот раз их поняли тотчас, и через несколько минут карлики нанесли целые кучи разных плодов и принялись угощать ученых великанов, причем многие карлики доводили свою смелость до того, что передавали плоды из рук в руки. Голод ли был так силен, или плоды Марса были так вкусны, но только ученые позавтракали с большим аппетитом и мало-помалу стали приходить в хорошее настроение духа. Только Виктор Павлович был мрачен. Каково же было его негодование, когда один легкомысленный мальчик, просунув в клетку палку, стал ею махать, с очевидною целью разозлить чудовищ.

— Это, это уж черт знает что! Нас дразнят, как обезьян в зверинце! Ах вы, негодяи! Что ж мы, звери, что ли? Да понимаете ли вы, что мы — профессора, ученые? Ах вы, ослы! Ах вы, болваны! Значит, нам нет другого места, как в зоологическом саду?

Толпа поняла причину гнева Виктора Павловича, и в ту же минуту один пожилой карлик выступил из толпы, разгневанным голосом сделал виновному мальчику выговор, вырвав из его рук палку и отбросив ее в сторону, после чего тот с виноватым видом, опустив голову, быстро удалился. Это немного успокоило Виктора Павловича, но он все-таки продолжал ворчать вполголоса.

Скоро к клетке подошел какой-то важный сановник в сопровождении свиты; перед ним толпа почтительно расступилась. Осмотрев внимательно великанов, сановник обратился к ним с речью. Великаны стали объяснять ему знаками, что они его не понимают. Сановник сделал какие-то распоряжения и важно удалился.

В тот же день в положении наших путешественников произошла перемена: их всех разъединили друг от друга. По уходе сановника им принесли обед, очевидно, для них специально приготовленный, состоявший из нескольких блюд. Каждому пища подавалась в отдельной чаше, но ни ложек, ни вилок, ничего подобного им не давали, и ученые должны были извлекать пищу руками. После обеда им подали по чашке очень вкусного горячего напитка, но, видимо, содержавшего большой процент какого-то наркотического вещества. Краснов заметил, что их, вероятно, угощают этим питьем для того, чтобы усыпить, а затем сонных куда-нибудь перенести. Остальные согласились с этим мнением, но тем не менее от питья не отказались. В самом деле, через несколько минут земные великаны погрузились в сон. Когда же они очнулись, то каждый из пяти путешественников увидел себя уже в другой обстановке и без своих товарищей: где же находились другие путешественники и что было с ними, он не знал. Таким образом, наши друзья с этого дня потеряли один другого из виду, за исключением Виктора Павловича и Мэри, которым посчастливилось через три дня увидеться и с этого дня уже не разлучаться.

Краснов проснулся в маленькой круглой комнатке. Он с изумлением осматрелся кругом и увидел, что друзей с ним не было, а против него сидел маленький седой старичок. Краснов оказался пленником в большом замке, в большом с точки зрения обитателя Марса, но в котором Краснов мог ходить, не сгибаясь, только в некоторых комнатах. Он был совершенно свободен в пределах замка, но ему строго-настрого запретили выходить за ворота, объяснив знаками, что при малейшей попытке с его стороны к бегству, стража его убьет. Краснов дал понять, что он охотно повинуется такому требованию и прежде всего желает научиться ме-

стному языку. Такому его желанию вполне сочувствовал и хозяин замка и сам целые часы проводил с ним, объясняя, как называются различные предметы и понятия. Уже через три дня Краснов мог сказать на языке Марса, когда он хочет есть, спать или гулять по саду замка. Владелец замка был в восторге. Он объяснил Краснову, что, когда они научатся вполне понимать друг друга, ему будет дано больше свободы, и он узнает много интересного. А пока жизнь Краснова была хотя и однообразна, но отнюдь не тягостна: он пользовался полным комфортом и относительной свободой, в его распоряжении было несколько слуг.

Краснов ближе и ближе сходилась с своим хозяином, необыкновенно умным и симпатичным карликом. Скоро уже он мог объяснить карлику, откуда он прибыл с своими друзьями, причем карлик вполне ему поверил: очевидно, осмотр оставленного «Галилея» многое объяснил карлику и без слов Краснова. Через месяц Краснов уже настолько владел языком Марса, что с успехом мог говорить с своим хозяином обо всем и вести с ним ученые диспуты по всевозможным вопросам. С этих пор началась для Краснова новая жизнь, его ближайшее знакомство с Марсом. Много интересного он узнавал из слов и объяснений своего хозяина, многое наблюдал лично, — и все вместе заставляло его больше и больше раскрывать глаза от изумления.

VIII.

Тихая, светлая ночь. Две полные луны, одна в зените, другая над горизонтом, освещают Марс бледно-голубоватым светом. Тишина ночи изредка нарушается шелестом леса, когда по листьям пробежит легкий ветерок. Город еще не спит. Из раскрытых окон маленьких домиков несется пение и разговор. Толпы маленьких человечков еще видны в различных местах, под деревьями. На площадке под высокой башенкой, принадлежащей одному из лучших замков в городе, видны две фигуры, великана и карлика: это Краснов и его хозяин. Они ведут оживленный разговор. Краснов заметно горячится, карлик рассуждает более спокойно.

— Я выслушал твои возражения, — сказал карлик, — и отчасти могу с тобой согласиться. Я не спорю, что многие из указанных тобой явлений нужно отнести к отрицательным сторонам нашей общественной жизни. Но нельзя же, Николай, замечать только дурное. Ты сам указал мне на некоторые светлые стороны в жизни нашей планеты. Я не был на Земле, но если бы я туда попал, я нашел бы, право, больше случаев возмущаться земной жизнью, чем ею восхищаться. Мы на многие возмутительные явления часто смотрим только потому легко, что мы к ним привыкли. Когда я слушал твои рассказы о Земле, я много раз приходил в ужас и негодование. Вспомни, как часто я содрогался от твоих рассказов о том, как жестоко земные люди обращаются с другими живыми существами на Земле. Ваши люди, несмотря на всю вашу пресловутую цивилизацию, отличаются самую зверскую кровожадность, которая доходит до того, что вы убиваете целыми массами животных затем, чтобы есть их трупы; и у вас никто не приходит от того в ужас. Даже ты, человек развитой и больше других отрешившийся от варварских привычек, по твоим же рассказам, много раз ел трупы птиц, рыб и зверей без всякого отвращения. У вас существуют трупные магазины, где можно купить на

вес кусок трупа какого угодно зверя; и такие магазины у вас даже дозволены законом. Люди, которые из омерзения к подобной пище употребляют растительную пищу, у вас очень редки.

— В этом виновата природа: мясная пища более пригодна для человека, — заметил Краснов.

— Неправда. Ты сам нашел, что жители Марса здоровее земных людей. А если бы ты был и прав, то ты этим несколько не оправдываешь земной жестокости. Для того, чтобы сделать животных или лошадей, как ты их называешь, более покорными себе, вы подвергаете их бесчеловечным пыткам. Вспомни свои рассказы о том, какие странные отношения существуют у вас между двумя полами, и как ненормальны ваши семейные отношения. У вас почему-то стараются всеми средствами уничтожить в молодых людях свободное проявление любви или извратить это чувство ненужными стеснениями. Пока молодой человек не приобрел еще самостоятельного положения в обществе, он не смеет, несмотря ни на годы, ни на физическое развитие, ни на темперамент, вступить в брак. Посмотрим же теперь, к чему приводит ваш обычай. Так как легальные браки для огромной массы вашей молодежи недоступны, то возникает множество браков тайных на самых ужасных основаниях. Необходимость скрываться, боязнь наказания и другие подобные причины превращают возвышеннейшее и благороднейшее чувство любви в разврат. А так как ты создался, что никакой другой порок не распространен на Земле так сильно, как разврат, то, следовательно, это зло есть неизбежное следствие ваших порядков. Да разве только в разврате заключаются бедствия, возникающие от ненормальных ваших семейных отношений? Вследствие ваших странных взглядов и обычаев происходит то, что любовные ласки распределяются между женщинами неравномерно до нечеловечности. Некоторые женщины изнывают от жажды любви, но, не имея возможности отдаться любви, тоскуют, сходят с ума.

— Ты прав, — сказал Краснов, — зло, так ярко освещенное тобой, безгранично. Но скажи мне по совести, учитель,

неужели Марс свободен от этого зла? Неужели у вас царит нравственность, а порок неизвестен?

— Да, Николай, к несчастью, встречаются и у нас случаи нарушения семейного долга, но на них нужно смотреть, как на исключения. Преступление против нравственности считается у нас настолько чудовищным, что редко кто на него решается. Вот почему ваша земная жизнь показалась мне такою жалкою, когда ты мне рассказал о том, как извращают у вас природу и в каком состоянии находится у вас семья. И после этого вы еще думаете о счастье о прогрессе? Можете ли вы идти вперед, когда вы лишены самой основы счастья, семейного благополучия? После этого вся ваша цивилизация — только призрак.

— Ты не прав, учитель, — возразил Краснов. — Семейные отношения жителей Марса, может быть, неизмеримо выше наших. Но посмотри на нашу жизнь с других точек зрения, — и ты увидишь, как далеко Земля опередила Марс. Ты не станешь отрицать, что жители Земли учение и талантливее марсиан. Науки, искусства и технические изобретения стоят у нас так высоко, что Марс не сравняется в этом отношении с Землей даже через много столетий. Я приведу тебе несколько примеров. Если бы ты перенесся на Землю, в один из больших городов, то ты в первые же минуты пришел бы в восторг и изумление. У вас, например, все тяжести переносятся людьми, и ваши способы передвижения самые несложные, тогда как мы проезжаем большие расстояния на пароходах или электрических машинах. Благодаря телеграфу и телефону люди свободно разговаривают между собой с одного конца планеты на другой. Благодаря книгопечатанию наши книги выходят в бесчисленном количестве экземпляров, благодаря железным дорогам они распространяются по всему земному шару в самое короткое время. Поэтому наука и образование стоят у нас на такой высоте, какой вы вряд ли когда-нибудь достигнете. А если бы ты увидел земные постройки, земную живопись, статуи, театры, магазины, наполненные самыми изящными предметами роскоши, то ты в восхищении преклонился бы перед земным человечеством!..

— И у вас все пользуются этой роскошью? — спросил карлик.

— Это уже другой вопрос, — отвечал Краснов. — К сожалению, довольством у нас пользуется только небольшой класс людей, остальная же масса населения живет не лучше, чем обитатели Марса, а многие бедняки, я должен сознаться, еле-еле могут удовлетворить своим необходимейшим потребностям.

— И ты считаешь это счастьем? Ты не понимаешь, что счастье немногих счастливых вызывает зависть у огромной массы бедняков.

— Но зато хоть немногие могут достигнуть такого счастья, о котором у вас на Марсе не имеют даже понятия! — возразил Краснов.

— И это неправда. Гуманный человек не может чувствовать себя счастливым, видя горе вокруг. Забывать о других могут только сухие эгоисты. А разве эгоисты счастливы? Разве может быть счастливым тот человек, который делит весь мир на две половины: я и все остальные и пренебрегает второй половиной, как недостойной внимания? Нет, кто вечно носится с самим собой; для кого весь интерес жизни сосредоточен в собственной особе, тот скоро почувствует себя лишним в мире и жизнь ему станет в тягость. В том-то и заключается, по моему мнению, главный недостаток земной жизни, что у вас стремятся не к истинному счастью, а к внешнему блеску. У нас не так. Мы обратили все свои способности на то, чтобы у нас было как можно меньше обездоленных людей. Цель нашего прогресса — возможно большее сплочение людей узами любви и равенства.

— Однако мои наблюдения, учитель, расходятся с твоими словами. Ты говоришь, что вы стремитесь к всеобщему равенству, но как же ты мне объяснишь тот несправедливый закон, по которому у вас все дети, родившиеся с белыми волосами на голове, считаются благородными, получают образование и пользуются потом различными правами и преимуществами, тогда как детям, имевшим несчастье родиться с темными волосами, навсегда закрыть путь к обра-

зованию и неизбежно грозит участь чернорабочих? У нас нет таких диких и несправедливых законов.

— Неправда. У вас водится совершенно то же самое. Ты ведь говорил мне, что у вас есть дворяне и крестьяне. Вся разница между Марсом и Землею заключается в том, что у вас привилегированными делает людей социальное положение их родителей, а у нас цвет волос. Личные же достоинства человека в этом случае не играют никакой роли как у вас, так и у нас.

— Да, но у нас всякий крестьянин может, если действительно обладает выдающимися дарованиями, добиться высокого общественного положения и даже дворянства. Согласись, учитель, ведь глупо воздавать почет людям только потому, что они белокуры.

— Светлый цвет волос, Николай, есть признак божественной искры в человеке. Впрочем, я не утверждаю, что Марс стоит выше Земли или наоборот: и на Марсе, и на Земле много и хорошего, и дурного. Мы не можем решить, на какой планете жить лучше; постараемся же выяснить, что именно хорошо на Земле и что на Марсе. Теперь ты уже достаточно подготовлен к обзору наших общественных учреждений и порядочно владеешь нашим языком. Поэтому я дольше не буду откладывать этого обзора, и мы завтра отправимся в путь.

— Учитель, я снова обращаюсь к тебе с мучающим меня вопросом: где мои друзья?

— А я снова повторяю тебе, что ты напрасно о них беспокоишься: им не сделают ничего дурного.

— Могу ли я быть спокойным, мучась неизвестностью? По крайней мере скажи, зачем нас разлучили?

— Хотя мне запрещено касаться этого вопроса, однако, уступая твоим настойчивым просьбам, я кое-что скажу, надеясь, что ты поймешь и оправдаешь наше начальство. Тебе вполне понятно, что прибытие на Марс пяти великанов, неизвестно откуда появившихся, должно было смутить и обеспокоить нас. Могли ли мы наперед знать, что ваши намерения мирного характера? Во всяком случае, мы должны были принять меры предосторожности. С этою целью

мы вас усыпили и сонных развезли по разным местам. Каждый из вас поручен надзору одного из первых сановников страны, который должен снять допрос с своего пленника. Осмотр «Галилея» и согласные ваши объяснения убедили нас в том, что вы прибыли с той планеты, с которой мы давно старались завязать сношения. Теперь не только я, все население Марса в этом уверено, и высокая цель вашего путешествия — научное знакомство с новым миром — вызвала к вам общее глубокое уважение, а потому ничего худого вы для себя не должны ожидать. Очень скоро вам позволят видеться, а затем дадут свободу. Но на каких условиях это будет сделано и когда именно, — я сам не знаю. Больше я ничего не смею добавить. Я и так сказал тебе слишком много, приняв на свой страх последствия моей откровенности. Будь же спокоен за друзей, Николай. А теперь пойдем спать. Кажется, уже рассветает.

IX.

— Да успокойтесь же, Виктор Павлович, придите в себя!

— Не могу я успокоиться, Мэри, не могу! Как я могу прийти в себя, если этот дурак меня совершенно измучил!

— Потерпите еще немного: скоро наши испытания кончатся.

— Как бы не так! Этот осел, эта скотина, этот идиот, этот пророк еще какую-нибудь глупость придумает!.. Нет, я больше не могу терпеть... Я лучше завтра повешусь.

Мэри улыбнулась.

— Почему же не сегодня?

— Сегодня? Сегодня я должен плюнуть в рожу этому пророку. Негодяй! Морит нас голодом, мучает бессонницей, заставляет участвовать в своих дурацких процессиях!.. Мало того! Он еще запер меня на десять часов в храме, а когда я ушел через крышу, он хотел меня даже побить... Нет, это, это... Это черт знает что такое! Меня побить, меня, ординарного профессора, доктора математики!..

— Что же ему делать, если ординарный профессор не хочет его слушаться?

— Стану я исполнять дурацкие приказания! Зачем он запер меня в храме?

— Затем, чтобы на вас снизошло благословение богов Марса. Я терпеливо высидела свои часы, и пророк остался очень доволен.

— А вы и рады, что угодили подлецу! Нет, Мэри, вы — лицемерка! Я не знал, что вы способны подлизываться. Это пошло, пошло... Я и говорить с вами после этого не хочу!

— Виктор Павлович! Зачем нам вооружать против себя человека, от которого всецело зависит наша участь? Отчего не сделать даже и глупости, если она вполне безвредна?

— Как можно его слушаться, если все его приказания глупы, если он сумасшедший! Зачем он надел на меня эту шутовскую рубашку, зачем он отнял у меня сюртук и брю-

ки? Я не могу ходить без брюк, не могу ходить без брюк, — я не привык: это безобразно, неприлично!.. В боковом кармане сюртука лежала моя записная книжечка; он и ее отобрал вместе с сюртуком, а там у меня новое доказательство теоремы Стирлинга, новые признаки сходимости рядов и несколько задач. Нет, я больше никогда не поеду на Марс, никогда не поеду на Марс!

— Вы рассуждаете, Виктор Павлович, как будто на Марс поехать все равно, что съездить в Чернигов или Калугу. Посмотрим еще, удастся ли нам вернуться на Землю.

— Обязательно нужно возвратиться, обязательно! Как только увижу Николая Александровича, попрошу его немедленно снарядить «Галилей» к обратному путешествию. Я не могу больше терпеть здешних безобразий, не могу!..

Русаков снова разразился ругательствами по адресу пророка.

Положение Виктора Павловича было в самом деле незавидное. Он и Мэри были отданы для изучения языка Марса одному из четырех пророков планеты. Но на беду Виктора Павловича, пророк счел присланных ему великанов за нечистых духов, посланных на Марс за его грехи. Остановившись на этой мысли, пророк стал заботиться не столько об обучении великанов языку, сколько о смягчении гнева богов. С этою целью он почти ежедневно заставлял жителей города Блаженства, где это происходило, совершать религиозные церемонии. Виктор Павлович выходил из себя, и Мэри стоило много труда, чтобы сдерживать гнев вспыльчивого профессора. Особенно много произошло неприятностей и недоразумений потому, что Виктор Павлович совершенно не понимал местной речи, так как, хотя к путешественникам и были приставлены учителя, но Виктор Павлович ничему не хотел у них учиться, увлекшись в это время исследованием какого-то вопроса из теории эллиптических функций, и только Мэри научилась немного объясняться с окружающими. Пророк, видя непочтительность и непокорность великана, стал налагать на него разные наказания, который еще больше подливали масла в огонь и раздражали Русакова.

Последний проступок Русакова, самовольный уход из храма, грозил крупными последствиями. Разгневанный пророк приказал сообщить профессору, что боги возмущены его поведением, и что преступление должно быть искуплено, почему Виктор Павлович на другой день должен быть подвергнут публичному наказанию. Профессор пришел в негодование, а Мэри просто струсила. Она боялась, что на этот раз Виктор Павлович выкинет какую-нибудь сумасброднейшую выходку, — до того было велико его исступление. Убедить безумного пророка в чем-нибудь было невозможно, и он, несомненно, приведет в исполнение свою угрозу. Оставалось только немедленно и во что бы то ни стало бежать из города. Но как совершить побег? Мэри стала придумывать разные способы и наконец придумала. Замок был окружен со всех сторон высокой стеной и окопан рвом. Правда, ни решеток на окнах, ни часовых не было, но, тем не менее, перелезть через стену было невозможно. В пределах замка великаны были совершенно свободны, то есть могли гулять по саду, по двору и по всем трем этажам замка, но переступить за ограду им было запрещено, и нарушить это запрещение было невозможно вследствие строгого надзора. А если бы им это и удалось, то всякий, кто бы ни увидел их в городе, за пределами замка, поднял бы тревогу.

Через сад замка протекал неширокий, но довольно глубокий канал, который выходил из-под одной стены сада и скрывался под другой. На этот канал Мэри прежде всего обратила внимание, почувствовав, что именно в нем должно заключаться спасение. Над каналом ограда замка немного поднималась, образуя небольшие арки, в самой высокой части которых до уровня воды было не больше полуаршина. Следовательно, проплыть каналом под стеной было вполне возможно, но ни Виктор Павлович, ни Мэри, на свою беду, не умели плавать. Необходимо было измерить глубину канала и затем, если это окажется возможным, идти вброд. К счастью, за ними никто не следил. Мэри нашла веревку, сплетенную из вьющихся растений, привязала к ней камень и, изготовив такой лот, стала ожидать вечера, чтобы незаметно для других измерить глубину ка-

нала. Никаких запасов для предстоящего путешествия беглецы не могли сделать, потому что все их вещи у них были отобраны, а из пищи ничего нельзя было достать: все остатки их обеда уносились. По выходе из замка предстояло пройти около четверти версты городом, по улицам которого сновали люди и днем, и ночью. Нужно было проскользнуть незаметно через город и добраться до оврага, который находился за городом. Этот овраг был очень велик, покрыт густым кустарником, в котором легко было скрыться, и выходил в лес. Задача, следовательно, сводилась к тому, чтобы незаметно достигнуть оврага.

В саду замка находился мост через канал, соединявший обе половины сада. На мосту возвышался столб с укрепленной на его вершине металлической тарелкой и привязанной к ней деревянной колотушкой. Пророк звонил в эту тарелку всякий раз, когда устраивал какое-либо религиозное празднество. Кто бы в городе ни услышал звон, немедленно должен был идти в замок, опасаясь в противном случае гнева богов и пророка. По совету Русакова Мэри привязала к колотушке длинную веревку.

Лишь только наступила ночь, Мэри приступила к измерению глубины канала и получила самые благоприятные результаты: глубина канала нигде не превышала двух аршин, а потому смело надо было идти вброд. Беглецы стали ожидать, пока весь замок погрузится в сон.

Наступил наконец час, когда все в замке успокоилось и заснуло. Ночь была довольно темная; одна луна еще не всходила, а другая была покрыта тучами; можно было ожидать дождя. Беглецы осторожно подошли к каналу и хорошенько осмотрелись. Кругом царила полная тишина.

Мэри первая погрузилась в воду и тихо пошла на середину канала. К ее ужасу, дно канала под аркой опускалось все ниже и ниже, так что идти дальше было рискованно: можно было утонуть. Мэри стала бродить вдоль арки, отыскивая ногами менее глубокое место. Наконец она убедилась, что у самого берега можно пройти. Кое-как, ударяясь головой об арку, Мэри выбралась на свободу. Виктор Павлович пробирался по ее следам. Через несколько минут бег-

лецы, дрожа от холода, сидели во рву за оградой и собирались с силами, чтобы быстро миновать город и добраться до оврага. Конец веревки, привязанной к колотушке, Мэри принесла с собой. Начал идти дождь, и темнота ночи усилилась. Собравшись с духом, Мэри потянула за веревку и зазвонила. В ту же минуту поднялась суматоха и в замке и в городе. Толпы народа повалили в замок. Через несколько минут город совершенно опустел, а в замке делалось все шумнее и шумнее; вероятно, там уже догадались о причине ложной тревоги. Дольше медлить было опасно. Через несколько минут беглецы миновали город и стали ползти по обрыву оврага, ежеминутно срываясь, падая, пачкаясь в грязи и царапая о кусты лицо и руки; но зато они могли считать себя уже в безопасности.

Выбившись из сил, путники сели отдохнуть. Дождь перестал, и небо прояснилось. Вторая луна выплыла из-за горизонта; две луны, точно два электрических фонаря, осветили местность. В нескольких саженьях от беглецов тянулась полянка, за которой начинался лес. Промокнув до костей, они чувствовали себя очень скверно. Русаков, ежась от холода, ворчал, ругая и подлеца-пророка, и Краснова, затащивше го его на Марс, и тех бездельников-астрономов, которые открыли эту идиотскую планету, и наконец самого себя, потерявшего на старости лет рассудок и бросившего лекции для того, чтобы взглянуть на коротконогих болванов. Мэри при побеге из замка захватила с собой единственную, но очень ценную вещь, — это камень из породы кремнезема и кусок металла, с помощью которых жители Марса, еще не додумавшиеся до спичек, добывают себе огонь. Однако разложить костер было нельзя: пламя привлекло бы внимание карликов; нужно было терпеть до рассвета, чтобы обогреться первыми солнечными лучами.

Мало-помалу Русаков успокоился, и съездившись в клубочек, заснул. Мэри сидела возле него на страже, не смыкая глаз и дожидаясь рассвета. Только утром, когда Виктор Павлович проснулся от теплоты солнечных лучей, она заснула сама и проспала часа три. Сон подкрепил наших путников, и они отправились дальше. Добравшись до леса, гус-

то разросшегося, в котором было много непроходимых мест, беглецы остановились и стали обдумывать свое положение.

— Нам во что бы то ни стало нужно увидеться с нашими друзьями, — сказал Русаков, — без них мы пропали. Необходимо все силы употребить на то, чтобы их отыскать.

— Я с этим согласна, — отвечала Мэри, — но думаю, что разыскать друзей — задача нелегкая. Мы не знаем даже, где они теперь находятся; весьма вероятно, что они и до сих пор живут в том городе, в который мы попали тотчас по прибытии на Марс, — в городе Трех богов, откуда уже нас с вами увезли в город Блаженства. Как вы думаете, Виктор Павлович, сколько будет верст от города Блаженства до города Трех богов?

— Верст восемьдесят-сто, приблизительно.

— Да, вероятно, не больше. Итак, нужно, следовательно, разыскать город Трех богов. Если же там никого из наших не окажется, тогда следует думать, что их увезли в столицу, куда и направим наши стопы. Столица называется городом Солнца и находится от города Трех богов всего лишь на расстоянии двадцати двух земных верст.

— А если нас опять заберут в плен?

— Это не беда. Будем просить, чтобы нас представили самому королю, который, как мне говорили, благосклонно отнесся к известию о нашем прибытии с Земли и приказал представить всех нас к нему во дворец, лишь только мы научимся местному языку. Беда нам грозит только в том случае, если нас схватят в здешней местности, и мы снова попадем к пророку. Поэтому мы должны уйти как можно дальше от этого противного города Блаженства.

— Но в какую же сторону мы пойдём? — сказал Русаков. — Где находится этот город Трех богов? Ведь мы не видели дороги, по которой нас везли.

— Пойдем пока наугад. А когда отойдем отсюда верст на пятьдесят, на шестьдесят, тогда станем разыскивать какое-нибудь человеческое жилье и в первом же доме спросим, как найти город Трех богов.

Составив такой план действий, путники отправились дальше. Идти по лесу было чрезвычайно неудобно. На каж-

дом шагу встречались затруднения: то густые, непроходимые кустарники, то вьющиеся между деревьями растения, образывавшие непроходимые стены, то повалившиеся деревья. Видно было, что в этот лес редко заглядывал человек. Виктор Павлович ежеминутно спотыкался и ворчал всякий раз, когда приходилось перелезть через лежащее дерево или обходить кусты. Мэри успокаивала его, как могла.

Часа через три путники вышли к небольшой речке. Идти по ее берегу было бы гораздо легче, так как здесь дорога была хорошая, но Мэри нашла это неудобным, потому что речка могла вывести к какому-нибудь жилью, а это, ввиду еще близкого расстояния от города Блаженства, было для них опасным. Речка была довольно глубокая и через нее нельзя было переправиться вброд. Пришлось сделать плот, что было нелегко при отсутствии всяких инструментов. Однако часа через четыре путешественники соорудили плот из длинных жердей, связав их вместе гибкими молодыми ветками, и на этом плоту, гребя вместо весел шестью, переправились на другую сторону речки. Когда путники вышли на берег, был уже вечер. Пора было подумать о ночлеге. Углубившись в лес версты на полторы от речки, беглецы разложили костер, окончив дневной переход.

Спать им в эту ночь не пришлось. Едва только Виктор Павлович погрузился в сон, как его разбудил пронзительный крик Мэри. Вскочив, профессор увидел, что Мэри подле него уже не было, а на некотором расстоянии от него слышался треск сухих сучьев, покрываемый криком Мэри. Очевидно, ее кто-то уводил или уносил в глубь леса; несомненно было также, что Мэри находится во власти сильного существа или, может быть, нескольких существ. Голос Мэри раздавался все слабее и слабее; следовательно, ее быстро уносили. Профессор бросился на крик, но в темноте ничего не видел. Тем временем крик доносился все слабее и скоро совсем затих. Профессор остался один ночью в глухом лесу. Им овладело отчаяние.

Опустив на грудь голову и охватив руками колени, Виктор Павлович погрузился в раздумье. Самые ужасные мыс-

ли вихрем закружились в его голове. До сих пор он мало думал о своей судьбе: за него думала Мэри. Ее присутствие ободряло и успокаивало его; он слепо верил, что Мэри спасет его. Теперь же он почувствовал себя беспомощным, как ребенок, и его гибель казалась ему несомненной. Под утро Русаков однако незаметно для себя заснул.

Проснувшись, Русаков часа через три ходьбы вышел из леса. Перед ним расстилалась обширная степь, покрытая густою травой. Идти по степи было легче, нежели пробираться по лесу, но профессор чувствовал сильный голод и усталость, а потому еле волочил ноги. Наконец судьба над ним сжалилась, и он набрел на человеческое жилище: одиноко в степи стоял небольшой цилиндрический домик, около которого Виктор Павлович заметил двух карликов. Русаков ускорил шаги и направился к ним, но карлики, лишь только завидели его, пустились бежать, что было силы; тем не менее Виктор Павлович вошел в дом и, не найдя там никого из людей, стал шарить по всем углам, отыскивая пищу. В одной комнате ему посчастливилось найти несколько плодов, которые он и съел. Подкрепив силы, он отправился в дальнейший путь.

Скоро Русаков подошел к какому-то городу. Он остановился в раздумьи, идти ли ему туда, или пройти мимо. Собразив, что он еще недалеко ушел от своего врага, пророка, профессор решил миновать город и свернул в сторону. Однако, когда Виктор Павлович уже отошел на значительное расстояние от города, он раскаялся в своем поступке, потому что почувствовал себя нездоровым: его знобило, и во всем организме он чувствовал слабость; было несомненно, что он простудился. На его беду, скоро пошел сильный дождь, от которого ему негде было укрыться, так как в степи не попадалось ни деревца, ни кустика. Виктор Павлович выбивался из сил, пробираясь по мокрой траве, вязнул в грязи, но все-таки понемногу подвигался вперед. Наконец вдали что-то зачернело. Профессор радостно направился туда, надеясь найти человеческое жилище. Но каково же было его разочарование, когда, приблизившись, он увидел, что это снова начинается лес, и кругом не видно никакого

жилья. Виктор Павлович в изнеможении опустился под деревом. Он совершенно ослабел, голова сильно болела, все тело ныло, и мерзкий холод охватывал все его члены. Скоро, однако, озноб сменился жаром, и вместе с тем Виктор Павлович впал в забытие. С этого момента он уже не помнил, что было с ним дальше.

Х.

Из всех наших путешественников на Марсе лучше всех себя чувствовал профессор Лессинг. Он приобрел такое уважение среди населения планеты, что ему мог бы позавидовать сам король Марса; везде, где показывался Лессинг, его встречали чуть не с царскими почестями; достаточно было его взгляда или жеста, чтобы любой из жителей Марса помчался исполнять его желание, считая это для себя великой честью. Счастлирое стечение обстоятельств было тому причиной.

Лессинг, как и его друзья, был отдан для изучения местного языка одному из первых вельмож в государстве, а именно главному инженеру путей сообщения на Марсе, то есть лицу, на котором лежала забота о поддержании в должном порядке общественных лодок и судов, заменявших для марсиан пароходы, очистка от зарослей и наносных песков судоходных рек и каналов, постройка мостов, поправка дорог и общее наблюдение над различными способами передвижения жителей планеты.

Едва только Лессинг научился с грехом пополам объясняться с окружающими, как главный инженер позвал его к себе для допроса. Лессинг объяснил инженеру, откуда он и его товарищи прибыли на Марс, сказал, что все они — люди науки, что намерения у них самые мирные, и что, осмотрев планету и ознакомившись с вещами наиболее замечательными, по их мнению, на Марсе, они хотели бы улететь обратно на Землю. Окончив допрос, главный инженер повел Лессинга к «Галилею», который уже охранялся стражей днем и ночью, и предложил профессору объяснить назначение многих непонятных для жителей Марса предметов, найденных на «Галилее». Вот это-то обстоятельство и помогло Лессингу заручиться большим авторитетом.

Профессор весьма охотно согласился объяснить, что за предметы и для какой надобности находились на «Галилее», и начал с демонстрации привезенного с собою фото-

графического аппарата. Через две-три минуты Лессинг преподнес инженеру его портрет на жестяной пластинке. И инженер, и все бывшие при нем карлики пришли в неописанный восторг как от поразительного сходства портрета с оригиналом, так от быстроты работы. Лессинг сделал еще несколько моментальных снимков на жести с других карликов, а также снял вид местности, где лежал «Галилей». Снимки переходили из рук в руки, и карлики осыпали Лессинга похвалами. Довольный произведенным впечатлением, профессор сказал, что на бумаге он может изготавливать портреты, которые будут еще лучше, но только может их выполнить не раньше, как через два дня. В ответ на это и сам главный инженер, и многие из сопровождавших его карликов стали просить Лессинга, чтобы он сделал им их портреты на бумаге.

Лессинг тотчас понял, что для него будет полезно поддерживать в обитателях Марса их восторженное настроение, и стал показывать любопытной толпе чудо за чудом. После фотографии появился на сцену фонограф, также привезенный с собою путешественниками. Профессор предложил желающему из публики что-нибудь пропеть, на что из толпы карликов отозвался молодой человек, обладавший довольно сильным голосом. Став на указанном ему месте, карлик запел. Толпа молча и внимательно слушала пение, недоумевая, зачем это нужно великану. Но когда, через несколько минут, карлики услышали ту же самую песенку из фонографа, исполненную тем же голосом, со всеми особенностями певца, изумление карликов достигло геркулесовых столбов. Фонограф несколько раз повторил записанную песню, после чего выступили другие марсиане, пожелавшие записать свои голоса. Около часа забавлял Лессинг свою публику фонографом, пелись песни, говорились речи, — и все это прекрасно повторялось аппаратом. На Лессинга смотрели уже, как на полубога.

С этого дня Лессинг приобрел неограниченный авторитет на Марсе. Жители планеты чуть не молились на него, и каждый из них считал для себя большим счастьем оказать ему какую-нибудь услугу. Правда, профессору физики при-

шло с этого времени без отдыха работать: почти все знатные граждане города пожелали взглянуть на фонограф. Кроме того, он по целым часам должен был заниматься фотографией, так как первые изготовленные им на бумаге карточки произвели фурор, переходя из рук в руки по всему городу, и у каждого возбуждали желание увидеть свое собственное фотографическое изображение. Лессинг по мере возможности старался удовлетворить карликов.

Вскоре после этого профессор обратился к своему патрону, главному инженеру, с проектом провести на Марсе железную дорогу, по которой можно будет ездить без затраты силы человека или животных. «Пусть мои товарищи, — думал Лессинг, — замечают и перенимают все хорошее на Марсе для блага Земли; я же исполню другую часть нашей общей задачи и постараюсь принести возможную пользу населению Марса». Для достижения своей цели Лессинг решил насадить на Марсе, насколько это было в его силах, земную культуру. Устройство железной дороги казалось профессору первым к тому шагом, после чего он думал приступить за привитие различных отраслей техники.

Главный инженер с большим интересом отнесся к предложению Лессинга, несколько не сомневаясь в его осуществимости: ему казалось, что для Лессинга нет ничего невозможного. В полное распоряжение профессора было отпущено требуемое число рабочих и дан необходимый материал, — и работа закипела. Пока одни карлики по указаниям Лессинга отливали рельсы и различные части локомотива, другие тем временем производили работы по расчистке и планированию почвы для новой дороги и укладывали шпалы. Железная дорога должна была соединить город Мудрости, где жил главный инженер, с ближайшим к нему городом — Высокой Горы. Длина железнодорожной линии была около пяти земных верст. Прошло не больше двух месяцев, и работы были окончены. Правда, изготовленный под надзором Лессинга локомотив был сделан так уродливо и аляповато, полотно новой линии имело столько недостатков, что на Земле подобную дорогу называли бы карикатурой на железные дороги, однако Лессинг

остался вполне доволен достигнутыми результатами. Ведь первый локомотив Стефенсона тоже, вероятно, был не лучше. Когда же локомотив с двумя открытыми вагонами, в которых поместились знатнейшие граждане города Мудрости, управляемый машинистом Лессингом, тронулся с места и плавно покатился по рельсам, то толпа, собравшаяся подле линии посмотреть на новую диковинку, пришла в такой восторг, какого Лессинг не видел еще ни разу в своей жизни.

Лессинг с увлечением предался открывшейся ему новой деятельности. Скоро под его руководством возникло несколько литейных, механических и лесопильных заводов, пробудивших новую жизнь на Марсе. По открытому железнодорожному пути установилось правильное движение, и маленькие поезда ежедневно обращались между двумя городами, переполненные пассажирами и разным товаром.

Земная цивилизация понемногу стала прививаться на Марсе. Явилось несколько предприимчивых карликов, которые на свой риск приступили к проведению второй на Марсе железнодорожной линии, протяжением уже до шестидесяти земных верст. Слава Лессинга гремела по всей планете. Он уже приступил было к разработке грандиозного плана относительно открытия на Марсе правильного пароходства, когда по приказу короля ему пришлось оставить все начатые работы и прибыть в город Солнца, столицу государства.

В то время как Краснов под руководством верховного учителя знакомился с духовною жизнью жителей Марса, Русаков и Мэри по требованию сумасшедшего пророка умиловляли богов Марса, а Лессинг насаждал на планете земную цивилизацию, — Шведов проводил свои дни при дворе самого короля Марса. По приказу короля к нему был приставлен целый штат учителей: король очень хотел поскорей поговорить с жителем другой планеты; прибывшие на «Галилее» великаны его крайне интересовали. Король был еще молодой человек, весьма образованный и особенно интересовавшийся успехами астрономии, которую он раньше сам читал ученикам высшей школы в городе

Трех богов; Король очень тяготился своим положением, его больше интересовали научные занятия, нежели управление государством; но он не мог отказаться от королевского сана, чтобы не возбудить гнева богов. Поэтому управление государством лежало в значительной части на королевском кандидате, который должен был вступить на трон по смерти настоящего короля. Когда местные ученые, по осмотре «Галилея», приняв во внимание все данные, донесли королю, что великаны прилетели с Земли, король велел взять одного из великанов ко двору. Выбор пал на Шведова.

Петр Петрович научился объясняться с придворными очень скоро и, заслужив доверие и симпатию первого королевского министра, получил полную свободу в пределах королевского двора. Как только он начал осваиваться с языком жителей Марса, король потребовал пленника к себе.

В назначенный день Шведов с раннего утра стал готовиться к предстоящему ему свиданию с королем. Человек тридцать слуг суетились, одевая его в костюм местного покроя, приготовленный специально для этого дня придворными портными. Петр Петрович облачился в богатую туннику из мягкой материи зеленого цвета с черными разводами, надел остроконечную шляпу, белые башмаки, подпоясался желтым поясом, на плечи накинул белый плащ с голубыми пятнами и, нарядившись таким попугаем, вызвал всеобщий восторг и похвалы своей парадной одежде. Первый министр набросил Шведову на глаза что-то вроде густой вуали, чтобы смягчить в его глазах блеск королевской особы, что делалось со всяким, кто в первый раз удостоивался видеть короля, и повел его в королевские палаты.

Пройдя несколько маленьких комнат, с трудом пролезая в двери, Шведов в сопровождении первого министра вступил в большую залу, откуда неслись пронзительные крики и адские звуки местных музыкальных инструментов, в смешанном гуле которых слышалось что-то, напоминавшее и звуки медного таза, и стук колотушки, и пискливые трели дудочек, и треньканье балалайки. Мотива или

просто стройной связи между отдельными звуками Шведов не мог уловить.

При появлении великана музыка смолкла. Шведов увидел посреди залы колонку аршин в шесть вышины, на вершине которой, окруженный барьером, восседал король. Властитель Марса забрался так высоко вовсе не из предосторожности, как подумал Шведов, или боязни нападения чудовищного великана, в мирном характере которого он мог быть не уверен, но для того, чтобы показать жителю Земли величие королевской особы. Шведов перекувырнулся перед королем так, как этого требовал этикет Марса, чему его обстоятельно научили придворные, и почтительно остановился перед колонкой. Король приятно улыбнулся и стал говорить. Всей королевской речи Шведов не понял, но общий смысл ее заключался в том, что король очень рад видеть жителя другой планеты, что он вполне понимает тот научный интерес, ради которого земные люди предприняли такое трудное и опасное путешествие, не зная, что их ждет впереди, и что он преклоняется перед их умом и знаниями, благодаря которым они сумели осуществить такое необыкновенное предприятие.

— Скажи же, земной человек, — заключил король свою речь, — чем я могу быть вам полезным? Я хочу угодить великим людям, чтобы они не имели поводов быть недовольными королем Марса и не раскаивались в своем путешествии.

— Благодарю, великий повелитель Марса. Тебе нетрудно будет исполнить мою и вместе с тем общую нашу просьбу. Позволь нам всем снова соединиться и затем свободно и неразлучно путешествовать по твоим владениям, чтобы, осмотрев все, что есть замечательного на Марсе, мы через несколько времени могли спокойно улететь на Землю, обогатив себя научными сведениями.

— Вы думаете возвратиться на вашу планету?

— Я надеюсь, что ты, могучий и просвещенный король, не станешь нам в этом препятствовать.

— Но почему вы не хотите навсегда остаться жить у нас? Вам будет хорошо.

— Как бы здесь ни было хорошо, всегда будет казаться лучше там, где мы родились, где протекла наша жизнь. А главное, наша научная задача не будет выполнена и долг перед своей совестью не будет уплачен, если мы не приложим всех сил к тому, чтобы возвратиться на Землю и поведать земному миру о нашем путешествии.

— Но сумеете ли вы вторично совершить трудное междупланетное путешествие?

— В этом я не сомневаюсь. Если мы сумели прилететь на Марс, то возвращение на Землю не представит для нас никаких затруднений: мы уже имеем за собой опыт. К тому же с Марса до Земли долететь в полтора раза легче, нежели с Земли до Марса.

Глаза короля загорелись.

— Земной человек, — сказал он, — я дам вам все, чего вы только захотите, буду исполнять все малейшие ваши желания, — только возьмите меня с собой, дайте мне увидеть другой мир!..

Шведов охотно изъявил согласие от себя и своих друзей. Нельзя было отказывать в чем-либо королю Марса, от которого зависела сама их жизнь. Король обещал немедленно послать за остальными великанами для того, чтобы они вместе обсудили предстоящее им дело постройки сооружения для полета на Землю и своевременно могли начать работы; при этом король добавил, что как Шведов, так и его товарищи могут считать себя на Марсе свободными, полноправными гражданами. На этом аудиенция кончилась.

XI.

Через несколько дней Краснов, в сопровождении верховного учителя, прибыл в столицу, где его встретили с особенным почетом: король и придворные уже знали, что это именно он — изобретатель «Галилея», и что от него зависит успех предстоящего путешествия короля Марса с земными великанами на Землю. Лессинг прибыл в столицу еще накануне. Что же касается Русакова и Мэри, то об их судьбе наши друзья еще ничего не знали и спокойно поджидали их со дня на день; королевский посол, отправленный за ними к пророку в город Блаженства, еще не возвращался. Шведов, Лессинг и Краснов несказанно обрадовались, увидев друг друга живыми и невредимыми. Лессинг и Краснов были в восторге, узнав от Шведова, что их обратное путешествие на Землю обеспечено благодаря намерению короля Марса им сопутствовать, и что дальнейшее их пребывание на планете значительно улучшится, так как они находятся под верховным покровительством короля и считаются не только свободными, но и полноправными гражданами Марса, а не пленниками.

— Нам положительно везет, Петр Петрович, — сказал Краснов, когда Шведов рассказал ему о своем свидании с королем, — редко кому судьба так покровительствует, как нам. А между тем нельзя отрицать, что предпринятое нами путешествие на Марс — одно из самых трудных предприятий, на которые когда-либо решался земной человек. Уже само благополучное прибытие на Марс является таким успехом в нашем деле, что он сам по себе мог бы вполне вознаградить нас за наши труды, и мы могли бы спокойно умереть с чувством удовлетворения и сознанием исполненного долга. Но наше торжество этим не оканчивается и мы благополучно возвратимся на Землю.

— Не торопитесь, Николай Александрович, — перебил Лессинг, — вы забываете, что Марс — не Земля, и что вы в

ваших строительных работах можете встретить непреодолимые затруднения.

— Почему же это? — спросил находившийся тут же верховный учитель.

— Да хотя бы потому, что человек сам иногда недостаточно знаком с тем делом, которым он заведует.

— Если он заведует делом, то, следовательно, он его хорошо знает; в противном случае на его месте был бы другой, — сказал верховный учитель.

— Но разве у вас не случается, что опытные люди, специалисты, стоят в стороне от известного дела, а им руководят другие, хотя и менее сведущие, но пользующиеся покровительством начальствующих лиц? — спросил Лессинг.

— Никто у нас и не станет добиваться места, зная, что есть другой, более способный, — отвечал верховный учитель. — Более способный занимает большую должность, менее способный меньшую. Это так естественно и просто.

— Да, — подтвердил Шведов, — я тоже наблюдал, что при дворе короля все более или менее ответственные должности занимают люди, вполне достойные их. Я всегда видел, что человек добился здесь своего положения благодаря лишь собственным достоинствам, а не протекции.

— А что такое протекция? — спросил верховный учитель.

— Это довольно трудно тебе объяснить, учитель, — сказал Краснов, — а протекция — явление слишком интересное и характерное, чтобы обойти его молчанием и не ответить на твой вопрос. Я начну издали. У нас на Земле люди не получают в школе утилитарных знаний, имеющих прямое отношение к их последующей деятельности; практические сведения приобретаются людьми уже по окончании ими школьного образования, которое находится лишь в слабой связи с будущей общественной деятельностью учащихся, давая им лишь общие теоретические начала разных наук. Если же человек в высшей школе и избирает какую-нибудь специальность, то он изучает ее только теоретически. Но обыкновенно и специальное образование человека, и его практическая деятельность большею частью неза-

висимы друг от друга; очень часто человек, имеющий какую-нибудь специальную теоретическую подготовку, совершенно не занимается своей специальностью, отдавая свои силы и время совершенно другому делу. Например, изучает человек в школе теологию, а, закончив образование, становится не жрецом, а писарем в каком-нибудь департаменте; изучает медицину, — и делается музыкантом; изучает педагогику, — и делается судьей. В результате оказывается, что общественные должности у нас, сплошь и рядом, занимают лица, не знающие и не понимающие своего дела. Особенно много страдают интересы публики тогда, когда такой несведущий человек делается не простым исполнителем возложенных на него обязанностей, а начальником и руководителем других. Ответственные общественные должности бывают заняты неподготовленными к тому людьми не всегда, впрочем, от недостатка в опытных работниках, могущих с успехом нести порученное им дело; беда не была бы так велика, если бы на Земле не существовало другого прискорбного явления, называемого протекцией.

— Но что же такое протекция? — повторил свой вопрос верховный учитель.

— Сейчас объясню. Иногда достойных кандидатов на какую-нибудь общественную должность, знающих дело и теоретически, и практически, и кроме того, людей вполне порядочных и добросовестных, находится много; из массы конкурентов человеку, от которого зависит их назначение на должность, казалось бы, легко выбрать достойное лицо, и в таких случаях естественно быть уверенным в том, что дело будет поручено человеку, который отлично с ним справится. А между тем, в действительности, приходится наблюдать как раз противоположное: именно те должности, на которые имеется много достойных кандидатов, соперничающих друг с другом и своими знаниями, и своей опытностью, большею частью получают люди, совершенно для того непригодные. Объясняется это тем, что, если какой-нибудь должности добивается много кандидатов, то, следовательно, эта должность выгоднее других или благодаря хорошему вознаграждению за труд или благодаря почету, с ней связан-

ному. А в таких-то случаях и выступает особенно заметно так называемая протекция. Под словом «протекция» разумеется покровительство влиятельных лиц своим родным и знакомым при назначении их на общественные должности и во время их служебной деятельности. Человек, от которого зависит назначение на должность, избирает на нее не достойнейшего из кандидатов, а одного из своих родственников и знакомых, оказывая этим ему, как говорят, протекцию. Если у администратора между своими родными и знакомыми для данной вакансии нет подходящего лица, то его осаждают знакомые просьбами отдать должность кому-нибудь из их родных. В результате назначение получает почти всегда или родственник самого начальника, или родственник кого-нибудь из его знакомых, очень часто человек, не достойный занять не только данную должность, но вообще какую-нибудь общественную должность. А достойные кандидаты остаются в стороне.

— Но ведь интересы общества страдают, если назначения на должности делаются по протекции, а не по достоинствам человека! — воскликнул верховный учитель.

— Я к тому и повел свою речь, — отвечал Краснов. — Так как никакой выгодной должности без протекции получить нельзя, то наши молодые люди, готовящиеся к общественной деятельности, еще в школе заботятся не столько о приобретении знаний, сколько о том, чтобы заблаговременно заручиться протекцией. У кого нет влиятельных родственников, тот старается завязать полезное знакомство, старается понравиться какому-нибудь важному сановнику или его жене, сестре, бабушке и так далее. Юноша лицемерит, и, конечно, нравственно пошлеет. Излишне уже говорить о том, что делается, когда такой человек займет видный пост. Протекция приносит особенно много вреда морального. Это явление так развратило общество, и люди так привыкли к нему, что редко даже кому приходит в голову, что протекция — вещь дурная и ненормальная. Многие молодые люди приобретают протекцию вместе с родством влиятельных особ, женись на их дочерях или родственниках. Таким образом, протекция идет вместо приданого.

— А приданое — что такое? — спросил верховный учитель.

— Я уже говорил тебе, что число заключаемых на земле браков с каждым годом уменьшается, вместо того, чтобы возрастать с возрастанием населения. Понятно, что такое положение дел крайне невыгодно для наших девушек, которые желают выйти замуж. Бедняжки прилагают все старания, употребляют все средства, чтобы понравиться молодым людям и возбудить в них желание жениться; но часто все средства оказываются бессильными. В таких случаях девицы нередко прибегают к крайнему средству и покупают себе мужей за деньги, иногда очень большие. Деньги, которые невеста отдает жениху вместе с своей рукой за то, что тот соглашается вступить с ней в супружество, и носят название приданого.

— Как же так! — воскликнул верховный учитель. — Ведь женитьба за деньги есть не что иное, как разврат.

— О нет, не всегда, — возразил Краснов. — Развратом называется на Земле продажная любовь женщины, а не мужчины, и притом на короткое время, а не на всю жизнь. Если же любовь продается навсегда, оптом, и, хотя и за деньги, но мужчиной, то это называется браком. В приданом у нас никто не видит ничего дурного: к этому явлению мы привыкли, и оно считается у нас нормальным.

— Нет, я положительно не понимаю твоих рассуждений, — сказал верховный учитель, — я вижу в них столько противоречий, что ясно не представляю себе даже того, что считается на земле хорошим и что дурным. Вся ваша мораль совершенно условна.

Краснов ничего не ответил на это замечание. Воцарилось короткое молчание, после чего Лессинг переменял разговор, заговорив о предстоящих им работах по снаряжению «Галилея».

Через несколько дней из города Блаженства от пророка возвратился королевский посол, который сообщил, что Мэри и Русаков бежали ночью из замка пророка, и неизвестно, где находятся в настоящее время, так как отправленная за ними пророком погоня возвратилась без успеха.

Это известие сильно встревожило Шведова, Лессинга и Краснова. Русаков отыскался дня через два: партия рабочих, производившая земляные работы в лесу для новой железнодорожной линии, случайно натолкнулась на Виктора Павловича, лежавшего в беспомощности, и доставила его в столицу к королю; что же было с Мэри, наши друзья не знали. Виктор Павлович не мог дать по этому вопросу никаких разъяснений, так как был болен горячкой и не приходил в сознание.

ХП.

Когда Мэри была так неожиданно разлучена с своим спутником, она разглядела сквозь ночной мрак, что около нее толпится несколько карликов, уже завладевших ее руками и ногами и быстро их связывавших, чтобы лишить ее возможности сопротивляться. Она сильно испугалась и закричала. Первая мысль, пришедшая ей в голову, была та, что овладевшие ею люди были посланы в погоню за нею и Русаковым из города Блаженства. Карлики между тем положили ее на два связанных между собою дерева и понесли в глубину леса.

Скоро Мэри вынесли на поляну, тянущуюся между деревьями длинной полосой. Начинался рассвет. Всмотреваясь в своих похитителей, Мэри с изумлением заметила, что это все были женщины. Это обстоятельство заставило ее отказаться от предположения, что она находится во власти посланцев пророка; слуги пророка, кроме того, не оставили бы на свободе профессора. Мэри достаточно хорошо владела языком Марса и попробовала заговорить с своими похитительницами, обратившись к ним с вопросами, куда и зачем ее несут. Но те упорно молчали и только как-то виновато улыбались, переглядываясь между собою. Скоро они вышли к реке, на которой у берега качалось какое-то судно вроде парома, к которому они и направились. Этот паром был сколочен из бревен довольно примитивным образом. На нем стоял небольшой домик цилиндрической формы, видимо, целиком перенесенный сюда с суши. Женщины внесли Мэри внутрь домика, освободили ей руки и ноги от веревок и вышли, крепко затворив за собой дверь. Пленница осталась одна.

Уже было утро, и первые солнечные лучи заливали светом тюрьму Мэри, проникая сквозь маленькие окна у потолка. Осмотревшись, Мэри осталась довольна своим помещением. Ее маленькая комната была светлая и чистенькая; стены были украшены кусками пестрой материи и гирлян-

дами цветов, издававшими приятный аромат, букеты цветов были разбросаны и по полу. Большую часть комнаты занимало мягкое ложе из травы, покрытое чистой разноцветной материей. Мэри опустилась на постель и стала раздумывать о странном приключении прошлой ночи, но никакого вероятного объяснения ему не могла придумать: на Марсе для нее все было ново и непонятно. Тем временем послышался плеск воды, и паром заколыхался, отплывая от берега. Утомленная ночной тревогой, Мэри скоро заснула под тихое покачивание парома и проспала довольно долго.

Разбудили ее раздавшиеся вдали громкие крики. Паром остановился, и через минуту дверь отворилась. На берегу реки шумела и волновалась толпа народу, состоявшая из нескольких сот женщин, окружавших деревянную террасу, разукрашенную пестрой материей и усыпанную цветами. По бокам террасы стояло несколько светильников, горевших каким-то особенным, зеленым, фантастическим пламенем. От двери домика через весь паром был перекинут ковер ярко-красного цвета, который тянулся дальше на террасу и оканчивался на ней возле небольшого трона. Мари вышла из двери, и в ту же минуту раздались голоса:

— Приветствуем тебя, посланница богов!

— Приветствуем тебя, наша избавительница!

— Приветствуем тебя, великая пророчица и королева Марса!

— Тридцать тысяч лет ждали мы тебя, покровительница угнетенных женщин! Великое чудо совершилось, и настало счастливое время.

— Радость нам! Исполнилось древнее пророчество.

Не понимая этих странных возгласов, но нимало не сомневаясь в том, что они направлены по ее адресу, Мэри вышла на берег и важной поступью направилась к приготовленному для нее месту. Толпа почтительно перед ней расступалась и бросала ей под ноги цветы. Стараясь держаться с большим достоинством, Мэри заняла место на возвышении и торжественно обратилась к толпе со словами:

— Чего вы хотите от меня, женщины Марса?

— Исполни повеление богов, великая королева! Скорее соверши дело, для которого ты прибыла к нам на Марс! Освободи нас! — раздался голоса.

— От кого же я должна освободить вас?

— Зачем ты испытываешь нас, могущественная посланница богов? Ты сама знаешь, что мы все, составляющие общество независимых женщин, жаждем избавления от тирании мужчин, этих бородатых извергов! Избавь нас от их притеснений! — раздалось в ответ.

— Да разве на Марсе мужчины притесняют женщин? Наоборот, вы пользуетесь равными правами с мужчинами, вам открыты все роды деятельности, вы можете подвизаться на любом поприще!...

— Мы не хотим таких прав! — слышалось со всех сторон. — Мы не хотим, чтобы мужчины изнуряли нас работой!... Они должны ценить главным образом нашу красоту; они же в этом отношении не дают женщине никаких преимуществ. Наша нежная организация грубеет... Они не признают культа любви, который хотим установить мы, члены общества независимых женщин, а за нарушение нами супружеской верности ведут нас к судьям, которые жестоко нас наказывают!..

«Кажется, я попала к каким-то вакханкам, — подумала Мэри. — Однако, нужно считаться с обстоятельствами и петь в тон этим странным женщинам, пока я в их власти».

— Итак, вы недовольны настоящим положением женщины на Марсе? — сказала вслух Мэри. — Вы находите, что мужчины поступают несправедливо, заставляя женщин работать наравне с собой и нести те же обязанности? Каковы же обязанности женщин, по вашему мнению?

Толпа зашумела так, что в смешанном гуле голосов ничего нельзя было разобрать.

— Пусть говорить одна из вас! — сказала Мэри. — Я не могу слушать всех вместе.

Женщины стали совещаться. Через несколько минут из толпы выступила красивая молодая женщина, глаза которой сверкали злым огоньком; видимо, она особенно силь-

но была возмущена не нравившимися ей порядками на Марсе и была одной из самых страшных революционерок.

— Мы все думаем, — сказала представительница, — что назначение женщины — любить, а не трудиться.

Мэри невольно улыбнулась.

— Главное, что требуется от женщины, это — красота и грация... Женщина — нежный цветок, за которым должен ухаживать мужчина. Своими красками и ароматом цветок заплатит за заботы о нем. Труд — достояние мужчины.

— С какими же силами мы объявим войну мужчинам? Сколько считается членов в вашем обществе женщин?

— Общество независимых женщин, — отвечала представительница собрания, — в настоящее время имеет около трех тысяч членов. Это немного, но для начала это достаточно. Потом к нам присоединится много других женщин, лишь только они узнают, чего мы добиваемся. Мы должны победить, так как все одушевлены страстным желанием добиться признания своих прав и ниспровергнуть господство противных мужчин, которых мы готовы любить, но произволу которых мы не желаем подчиняться. Мы победим, великая королева, так как теперь ты будешь руководить нами. Так сказано в пророческой книге.

— Что же именно там сказано?

— Там написано: «Когда придут великие люди из иного мира и великая женщина спустится на Марс, то настанет другая жизнь, и женщины станут царить над мужчинами; великая же женщина станет царить над человечеством». Поэтому мы, узнав о твоём прибытии, королева, решили сплотиться и приступить к решительным действиям. Боги избавят нас наконец от господства мужчин.

— Расскажи же мне, как возникло общество независимых женщин и давно ли оно существует.

Представительница стала рассказывать. Из ее слов Мэри узнала, что все женщины, не желавшие подчиняться семейным началам, а равно и все те женщины, которые по каким бы то ни было причинам были недовольны своей семейной жизнью и разошлись во взглядах и желаниях с своими мужьями, образовали союз и решились поднять

знамя восстания на Марсе с тем, чтобы, согласно своим желаниям и прихотям, перевернуть весь государственный строй планеты. Прибытие на Марс необыкновенных великанов, в числе которых оказалась женщина, дало сильный толчок их делу. Когда некоторые из принадлежавших к тайному обществу независимых женщин увидели Мэри у пророка в городе Блаженства, они тотчас же решили, что это и есть та великая женщина, которая покорит им мужчин. Между тем Мэри и Русаков бежали из города Блаженства, и пророк отправил за ними погоню. Общество независимых женщин, как они себя называли, встревожилось, зная характер пророка, который любил применять к нарушителям его повеления крутые меры, и потому легко мог назначить Мэри вечное заключение в какой-нибудь из башен своего замка. Женщины решили спасти свою повелительницу и будущую королеву Марса и сами отправили на розыски небольшой отряд. Им посчастливилось больше, нежели посланцам пророка, и они скоро нашли Мэри спящей в лесу. Тотчас же они овладели ею и доставили ее в свой главный лагерь, чем избавили ее от опасности вторично попасть во власть пророка, хотя и против ее воли. Когда представительница рассказала об этом Мэри, толпа заволновалась, и раздались многочисленные крики:

— Прости, прости нас, великая королева, за то, что мы осмелились насильем овладеть тобой. Мы хотели спасти тебя от пророка, который является и твоим, и нашим главным врагом. Он мог погубить тебя, посланницу богов, которую мы ожидали тридцать тысяч лет, передавая от поколения к поколению пророчество о твоём прибытии.

Мэри пожелала более подробно ознакомиться с желаниями независимых женщин и с причинами, побудившими каждую из них поступить в общество. Причины оказались довольно разнообразными, хотя в основе всего лежала жажда праздной и разгульной жизни. Так, например, одна девушка объяснила Мэри, что, не имея родителей, она проживала у родственников, которые заставляли ее путем разных наказаний, преимущественно философией, работать, между тем как она совсем не любит работать.

— Это что за наказание — философия? — спросила с удивлением Мэри.

— Судьи, — отвечала карлица, — заставляли меня выучивать наизусть по несколько страниц философских книг разных ученых и пророков. Эти злые судьи знают, что красивая женщина терпеть не может философию. Потому-то я поступила в тайное общество женщин.

Другая марсианка поступила в общество независимых женщин, по ее словам, потому, что была возмущена несправедливостью и произволом мужчин, не позволявших ей заниматься любимым делом, — вызыванием духов и теней умерших: и муж ее, и братья, и судьи, к которым они ее водили, строго ей это запрещали, говоря, что ее искусство оскорбляет богов. Между тем, это искусство, которое она очень долго изучала, заставляло всех остальных трепетать перед нею и доставляло ей большой почет. Третья, очень хорошенькая марсианка, сообщила, что она сделалась членом общества независимых женщин после того, как написала книгу, которую противные мужчины назвали глупой и сказали, что ее не стоит читать; автору показалось это обидным.

— Да, я вижу, что у вас всех имеются основательные причины восстать против гнета мужчин, — сказала Мэри. — Как же мы будем перестраивать государство после того, как овладеем им и ниспровергнем власть мужчин?

— Прежде всего, — отвечала представительница независимых женщин, — мы всеми царедворцами назначим женщин и непременно из нашего общества. Затем мы издадим новые законы, согласно которым все работы будут исполнять мужчины. При заключении браков выбор будет принадлежать женщине, которая по собственному желанию будет выбирать мужа.

— Боюсь, — возразила Мэри, — что большинство женщин не захочет последовать за вами.

— Да, мы знаем, что многие уже привыкли к рабству и побоятся свободы и независимости. Но мы их легко подчиним себе, когда овладеем властью. Мы просто прикажем им последовать нашему примеру и быть счастливыми.

«Их не разубедишь, — подумала Мэри, — и они ни за что не откажутся от своих нелепых взглядов и намерений».

— Скажите же мне, — проговорила Мэри вслух, — почему вы, осмелившись самовольно овладеть мною, оставили в лесу моего спутника, который дан мне богами затем, чтобы он помогал мне покорить мужчин и основать на Марсе царство женщин?

— Мы не знали этого, — отвечала представительница, — а без твоего повеления мы не смели коснуться великого человека, боясь гнева богов.

— Без него я не могу начать своих действий. Поэтому немедленно пошлите нескольких женщин на розыски моего помощника, оставленного в лесу. Пусть они отправятся сию же минуту на прежнее его место и идут по его следам. Когда они найдут его, пусть передадут ему мое послание, которое я сейчас приготовлю ему. Предупредите посланных, чтобы они обращались с ним как можно почтительнее и исполняли все его требования.

— Все будет исполнено, великая королева, — отвечала представительница.

— Богам угодно, чтобы на Марсе владычествовали женщины, и я повинуюсь богам. Мы победим, если вы будете строго исполнять мои приказания. Завтра я сама созову вас, а теперь я утомлена и хочу отдохнуть. Покажите мне мое жилище.

— Слава великой королеве Марса! Слава посланнице богов! — закричала толпа и стала расходиться.

ХІІІ.

Виктор Павлович, между тем, понемногу выздоравливал. Когда он пришел в сознание, первый вопрос его был о том, где Мэри. Так как ни Шведов, ни Краснов с Лессингом ничего о ней не знали, то Русаков прерывающимся от волнения голосом рассказал друзьям о своем бегстве вместе с Мэри из города Блаженства и о таинственном похищении в лесу его спутницы. Рассказ профессора взволновал его друзей. Шведов немедленно отправился к королю и, рассказав ему о похищении своей жены, просил разрешить ему сформировать отряд человек в сто и отправиться на поиски Мэри, на что король охотно согласился. Через несколько дней Шведов прислал своим друзьям записку, в которой сообщал, что до сих пор его поиски не привели ни к чему, но что он не прекратит их до тех пор, пока не осмотрит в лесу каждого кустика.

Оправившись от болезни, Виктор Павлович совершенно замкнулся в себя. Несмотря на все попытки Лессинга вызвать Русакова на спор, втянуть в научную беседу и вообще как-нибудь его расшевелить, ему это не удавалось: Виктор Павлович ко всему относился апатично и старался отделаться от Лессинга односложными ответами. Единственное, что теперь еще интересовало Русакова, это работы Краснова по снаряжению корабля для обратного полета на Землю; он с нетерпением ждал дня, когда можно будет покинуть «эту идиотскую планету, населенную коротконогими подлецами», как он выражался. Виктор Павлович самым усердным и аккуратным образом выполнял все нужные для Краснова вычисления, неотлучно присутствовал при всех его работах и, кроме этого, не желал больше ничего видеть на Марсе, будучи преисполнен негодования против обитателей планеты.

Работы Краснова весьма успешно подвигались вперед. Недалеко уже было то время, когда отважным земным путешественникам можно будет совершить вторичный меж-

дупланетный полет. Лессинг, в противоположность Русакову, усердно изучал новый мир и дорожил каждым случаем узнать что-нибудь новое из жизни марсиан, их наклонностей и стремлений.

Путешествие на Марс доказало Лессингу, что натура человеческая везде одинакова, и что тщеславие, жадность, зависть, эгоизм и все другие человеческие недостатки зависят не столько от большей или меньшей испорченности человека, сколько от выгодно или невыгодно сложившихся для него обстоятельств. Марсиане сравнительно с жителями Земли обладали указанными недостатками в меньшей степени, но это зависело преимущественно оттого, что жизненные условия на Марсе были почти одинаковы для всех, что незачем было вести борьбу друг с другом, так как интересы одного не мешали интересам другого. По мере же развития на Марсе насажденной Лессингом земной цивилизации, нравы жителей стали заметно портиться. Лишь только в чем-нибудь проявлялось соревнование марсиан, как вместе с тем обнаруживалось и стремление каждого выдвинуться самому и помешать это сделать другому. Таким же образом и Мэри, которую судьба забросила к восставшим марсианкам, увидела, что на Марсе, как и на Земле, много женщин, все помыслы которых устремлены на то, чтобы проводить жизнь в праздности и наслаждениях, и что Марс до сих пор был выше Земли в этом отношении только потому, что для подобных женщин там было меньше свободы.

Марс до последнего времени был счастливою планетой по сравнению с Землей, и, по наблюдению Лессинга, коренная причина этого счастья заключалась в том, что население Марса вело образ жизни, который на Земле теперь назвали бы первобытным, так как он приближался к образу жизни прежнего, доисторического земного человечества. Население Марса для обширного пространства планеты было невелико, и места хватало для всех, так что не было никакой необходимости вести ссоры и войны из-за лишнего клочка поля или леса. Роскошная растительность и тучная почва щедро одаряли земледельцев. Приятный,

ровный климат большей части обитаемых мест планеты благотворно отражался на здоровье жителей. Марсиане болели редко. Разные тифы и лихорадки, а тем более холера, уносящие на Земле тысячи жертв, на Марсе были совсем неизвестны. Излишества, роскошь и комфорт, порожденные на Земле цивилизацией, на Марсе не имели места. На этой планете, например, никому не пришло бы в голову употреблять в пищу неудобоваримые кушанья, столь любимые земными гастрономами, в которых даже трудно разобрать, из чего они приготовлены. Пища карликов Марса была самая простая, без особенных приправ.

Больших фабрик или заводов на Марсе не было, а, следовательно, не было ни капиталистов, ни пролетариев. Экономическое состояние всех обитателей планеты было почти одинаковое; Марс не знал ни нищеты, ни богатства. Нищета на планете была невозможна, потому что богатая природа давала нуждающемуся все необходимое, — и пищу, и одежду, и жилище; богатство же на Марсе не имело смысла. Незачем было копить и беречь сокровища там, где они не приносят никакой пользы: предметы первой необходимости были доступны на планете каждому, а комфорт и удовольствия были так скромны и дешевы, что для пользования ими не было нужды обладать богатством. Конечно, достатки всех карликов не были совершенно равными, но это зависело уже главным образом от большего или меньшего желания человека трудиться. Материальная обеспеченность, ограниченность желаний, невысокое развитие технических знаний, простой образ жизни и отсутствие резкой разницы в умственном развитии отдельных лиц были причинами царивших между карликами мира и согласия. Развлечения марсиан были самые скромные, а высшие радости они черпали в тихой семейной жизни. Семья являлась главным устоем общественной жизни, и карлики бдительно его оберегали.

С развитием железных дорог, с постройкой фабрик и заводов, с ростом промышленности и обмена товаров, между отдельными гражданами на глазах профессора Лессинга стали заметно развиваться борьба и соперничество. Од-

ному хотелось опередить другого и отличиться, а многие просто почувствовали прелесть земного комфорта и выгоды земной цивилизации, которая так легко стала прививаться на планете. Соперничество сделало недавних друзей врагами, появились неизвестные раньше у карликов хитрость и недоверие, возникли интриги, — и Лессинг убедился, что он, вместе с добром, принес Марсу огромное нравственное зло. Счастливая Аркадия простых людей исчезала и заменялась борьбой просвещенных эгоистов. Это движение началось так быстро и развилось так сильно, что уже нельзя было ожидать его прекращения. Очарованные успехами техники, марсиане устремились к ним со всею страстью. Период первобытной жизни карликов окончился навсегда. На смену ему появился период машинного труда и господства техники. Лессинг уже видел в перспективе борьбу разных имущественных классов и капиталистический строй.

XIV.

Прошло два года после событий. Наступил день, назначенный земными великанами для обратного полета на Землю. На этот раз путешественники не могли выждать, когда Марс по отношению к Земле будет в оппозиции с Солнцем, и когда, следовательно, расстояние между двумя планетами делается наименьшим. Поэтому им теперь предстояло пролететь значительно большее пространство, чем в первый раз. Впрочем, это обстоятельство их мало беспокоило: совершить путешествие с Марса на Землю было гораздо легче, нежели с Земли на Марс, вследствие меньшей плотности Марса, и Краснов нимало не сомневался в благополучном исходе путешествия. Последние дни на Марсе земные ученые чувствовали себя очень скверно. Их считали причиною многих несчастий, выпавших в последнее время на долю жителей планеты, и почти все население Марса относилось к ним с ненавистью. Один из четырех сумасшедших пророков Марса, пользовавшихся в государстве огромным авторитетом, потребовал от короля даже смерти всех великанов. Хотя на Марсе смертной казни и не существовало, но наших друзей не считали за людей, а за что-то среднее между чудовищем и нечистым духом. Только заступничество просвещенного короля Марса, искренне расположенного к земным ученым, спасло им жизнь; но, уступая общему раздражению, король заставил их в присутствии многих почетных граждан государства назначить срок, к которому они могут окончить свои постройки и улететь на Землю, с тем, чтобы вторично не пытаться прилететь на Марс, в чем великаны должны были торжественно поклясться. Сам король не оставил своего намерения сопровождать наших путешественников на Землю, но, опасаясь народного возмущения, должен был хранить свое намерение в тайне.

Земные великаны, и особенно Лессинг, пробудили планету от спячки. Само существование земных людей указа-

ло марсианам на то, что есть другие мыслящие существа помимо обитателей Марса, а то удивительное междупланетное путешествие, которое с успехом совершили земные великаны, ясно показывало, что они очень высоко стоят по своему развитию, знаниям и способностям. Те же чудеса, которые на глазах у всех совершил Лессинг, заставили всех карликов признать свою отсталость от земных людей. Вместе с тем, у многих пробудились новые желания и стремления, настоящие условия жизни им уже казались неудовлетворительными, и спокойное довольство жизнью было нарушено. Стремление к земному комфорту и тем удобствам, с которыми познакомили марсиан земные жители, нарушило экономическое равенство населения, а вместе с тем стали пропадать согласие между гражданами и взаимное доверие. Несогласие с окружающими отразилось и на семейной жизни карликов: неудовлетворенное самолюбие и зависть к успехам соседа портили характер марсиан, которые срывали злобу на членах своей семьи. Вообще, с развитием на Марсе технического прогресса стали быстро исчезать беззаботность и душевное спокойствие карликов. Они хорошо замечали это сами, но уже не могли остановить начавшегося движения. Карлики, опередившие других, не удовлетворялись достигнутыми результатами, а жаждали все новых и новых успехов, которые их опьяняли и возбуждали их деятельность. Карликам оставалось покориться судьбе и признать, что для Марса начались новая эпоха и новые веяния, с которыми неизбежно нужно считаться. Приверженцы старины — а таких на Марсе было большинство, — оплакивали доброе старое время, когда все жили в мире и согласии, и страстно возненавидели земных путешественников, развративших, по их мнению, молодое поколение Марса. Особенно против них были вооружены жрецы и пророки, так как с распространением технических знаний на Марсе их авторитет на Марсе заметно стал колебаться.

Прибытие на Марс земных ученых совпало с самым разгаром женского движения на планете, когда несколько женщин задумали добиться владычества над мужчинами.

Этот женский заговор кончился полным скандалом. Жрецы узнали о нем прежде, чем заговорщицы успели что-нибудь предпринять, и в результате все главные зачинщицы были наказаны на городских площадях, после чего «общество независимых женщин» прекратило свое существование. Что же касается Мэри, которую члены этого общества захватили и привезли в свой лагерь, навязав ей предводительство над ними, то ей удалось бежать к своим друзьям раньше, чем был открыт заговор; в противном случае ей, вероятно, несмотря на полную ее невиновность в этом деле, пришлось бы перенести немало неприятностей. Жрецы все-таки впоследствии узнали о пребывании Мэри в лагере независимых женщин и, воспользовавшись этим предлогом, старались убедить марсиан, что начавшееся было движение против семейных обязанностей женщины было возбуждено земной великаншей, и что она — главная виновница женского заговора. Потерпевшие же фиаско «независимые женщины» считали Мэри виновницей своего неуспеха, видя в ней предательницу. Таким образом, Мэри без всякой причины приобрела на Марсе множество врагов, она боялась даже выходить из королевского дворца, где теперь жили все пять земных путешественников.

В назначенный для отъезда день путешественники распрощались с Марсом и вошли внутрь корабля. Шведов пока еще оставался на планете, поджидая короля, который должен был вместе с ними улетать на землю. Королю было трудно проскользнуть на «Галилей» незаметно для своих подданных, так как жрецы, видя покровительство короля земным ученым, были им очень недовольны и следили за каждым его шагом. До отъезда оставалось всего лишь полтора часа, а Шведов с королем не появлялись. Путники стали беспокоиться. Особенно волновался Русаков.

— Где же это, где же это Петр Петрович пропал? — ворчал он. — Еще останешься из-за него на этой дурацкой планете!

Решено было, чтобы Лессинг вышел из корабля, спустился вниз и, отыскав Шведова, узнал, в чем дело. Через несколько минут Лессинг возвратился и сообщил, что ко-

роль присылал к Шведову доверенного человека сказать, что он испросит для путешествия благословения богов Марса, после чего немедленно к нему явится.

— И Петр Петрович будет ждать, когда он окончит свои китайские церемонии? — спросил Русаков.

— Конечно, — отвечал Лессинг.

— Да что он, с ума сошел, что ли? — заволновался Виктор Павлович. — Один час остался до отъезда, а он там валандается! Честное слово, честное слово, мы все останемся из-за него... Бегите опять, Иван Иванович.

— Нельзя, Виктор Павлович. Если король разгневется, то и мы не улетим. Он может приказать испортить наши сооружения. Необходимо подождать. Петр Петрович сам волнуется не меньше вас.

Прошло еще полчаса, а Шведов не являлся. Русаков чуть не плакал.

— Останемся, непременно останемся! — бормотал он. — Погибли навеки...

В эту минуту по лестницам стремительно поднялся на корабль Шведов, Он был очень взволнован.

— Господа! Случилось несчастье! — сказал он. — Жрецы узнали о намерении короля лететь с нами и произвели возмущение. Жрецы грозят королю проклятием богов... Поднялась целая революция. Марсиане неистовствуют и грозят нам смертью. Сюда бежит целая толпа народа, чтобы уничтожить нас и наши сооружения...

— Боже! Что же нам теперь делать? — воскликнула Мэри. — Николай Александрович! Нельзя ли сию минуту улететь, пока они не успели добраться до нас?

— Вы чепуху говорите, — отвечал Краснов, — если мы двинемся раньше срока, то никогда не попадем на Землю. Осталось ждать около получаса. Надо суметь отразить их нападение.

— Тогда закроем отверстие и закупоримся, чтобы они не добрались до нас.

— Нельзя этого! — возразил Лессинг. — Нужно наблюдать за их действиями...

В это время внизу раздались крики. Толпа в несколько сот человек ворвалась во двор машинного отделения и окружила главный механизм, отыскивая глазами великанов. Последние же, припав лицами к отверстию в полу, следили за их действиями.

— Негодяи! — вскричал Краснов. — Они хотят оборвать проволоки, ведущие к электрическому прибору нашего «Галилея».

Действительно, несколько человек тянули руки вверх, чтобы достать проволоки, висевшие над их головами. Вдруг неожиданно для всех Русаков выстрелил из револьвера. Пуля пробила остроконечную шляпу одного из карликов, старавшихся оборвать проволоку. Выстрел произвел между ними суматоху. Крики усилились, и разъяренная толпа полезла по лестницам к кораблю.

— Иван Иванович, — закричал Русаков Лессингу, — несите сюда еще, какое только есть у нас, оружие!

— Не беспокойтесь! Сюда они не войдут, — отвечал Лессинг. — Только бы они не испортили чего внизу!.. Я им сейчас приготовлю угощение.

С этими словами Лессинг стал натягивать на нижнее отверстие корабля проволоку, так что нельзя было войти в корабль без того, чтобы не коснуться ее. Тем временем наверху лестницы показалась голова карлика. Виктор Иванович выстрелил в воздух над его головой. Карлик скрылся.

— Господа, будьте осторожней! — закричал Лессинг. — Сейчас я соединю проволоку с электрической машиной. Готово!

На лестнице показалось на этот раз несколько карликов вместе. Но лишь только они коснулись проволоки, стараясь взойти на корабль, как вскрикнули и кувырком покатались вниз по лестнице. Через минуту в отверстии показалось еще несколько человек, но и они тотчас же покатались вниз.

— Что, болваны? — закричал Русаков. — Не так-то легко до нас добраться!

Толпа остановилась внизу и стала о чем-то горячо спорить. Они, очевидно, обсуждали вопрос, как овладеть вели-

канами. Мало-помалу карлики стали расходиться. Путешественники облегченно вздохнули. До полета оставалось около четверти часа. Тем не менее, великаны продолжали смотреть вниз. Вдруг Лессинг вскрикнул:

— Мы горим! Смотрите, они подожгли наши постройки.

Деревянная ограда с навесом, окружавшая механические сооружения путешественников, пылала. Огненные языки поднимались все выше и выше. Мэри не выдержала и зарыдала.

— Теперь уж мы несомненно погибли! — промолвила она.

— Успокойтесь! — сказал Краснов. — Мы еще можем спастись. Через восемь минут мы должны вылететь в пространство, а до тех пор пожар не успеет сильно распространиться. У нас только ограда деревянная, а балки и все постаменты под нашими машинами сделаны из местного металла «марсианина», который огнеупорен и тверд. Огонь не скоро доберется до наших приборов. Я только спущусь вниз и посмотрю, не испортили ли чего карлики.

Краснов полез вниз, но через минуту возвратился.

— Нельзя добраться до низу, — проговорил он, — страшная жара, и можно задохнуться от дыму. Кажется, все в порядке. Надо закупориваться и лететь.

Все бросились закрывать отверстие.

— Ну, а если карлики или огонь уже испортили наши приборы? — спросил Шведов. — Не лучше ли оставить рискованную попытку лететь при таких условиях, а постараться пробраться во дворец, а затем через несколько времени снова построить все нужное?

— Если машины попорчены, то мы совсем не полетим, — отвечал Краснов, — а если полетим, то благополучно доберемся до Земли. Сейчас мы узнаем все. Садитесь по местам.

— Летим, летим! — проговорил Русаков. — Лучше умереть в междупланетном пространстве, чем от рук этих бездельников.

— Держитесь, господа, — сказал Краснов, — и попрощайтесь с Марсом!

Краснов нажал кнопку от электрического аппарата. «Галилей» дрогнул, и все пассажиры попадали от толчка.

— Кажется, мы спасены, — проговорил Краснов, — машина дала нужный толчок, а так как это сделано вовремя, то мы будем на Земле.

Лессинг и Шведов тем временем открывали ставни окон.

— Взгляните, господа, — сказал Шведов, — Марс у нас под ногами.

«Галилей» уже мчался по направлению к Земле.

— Ну, гора с плеч свалилась! — вздохнул Русаков. — Набрались же мы страху. Вот негодяи-то! Чуть было не сожгли нас живыми...

— Забудьте, Виктор Павлович! — сказала Мэри. — Все хорошо, что хорошо кончается.

— Забыть! Нет, я никогда не забуду, чего натерпелся на Марсе. Я им это припомню!..

Все расхохотались.

— Разве вы думаете полететь туда вторично? — спросил Лессинг.

— Я? И врагу закажу... Будет с меня одной глупости.

— Неужели вы не находите никакой пользы в своем путешествии на Марс?

— А вы в чем ее находите?

— Да мало ли в чем! Мы столько видели нового и интересного, столько сделали важных научных открытий в области физики, химии, естественных наук и даже социологии, что обработать собранный материал вряд ли мы успеем даже в десять лет.

— Да, мы можем гордиться достигнутыми результатами, — подтвердил Краснов, — без лишней скромности мы имеем право заявить, что обогатим науку.

— Меня смущает лишь одно, — проговорил Лессинг, — что наша поездка самому Марсу принесла не пользу, а вред. И в этом особенно я виноват.

— Что же дурного вы сделали? — спросил Шведов.

— Благодаря мне, — отвечал Лессинг, — у марсиан пробудились новые стремления и желания; они поняли несовершенство своего быта и ограниченность своих знаний.

— Но это же хорошо, — сказал Шведов, — вы пробудили их умственную жизнь.

— Да, но вместе с тем они потеряли душевный покой и навеки утратили прежнее счастье.

— Значит, по вашему мнению, следовало их оставить в прежнем состоянии и не пытаться развить их ум?

— Да. Знание счастья не дает.

— Правда, — подтвердил Краснов, — чем человек больше знает, тем он несчастнее. Ребенок счастливее взрослого человека, мужик счастливее интеллигента...

— Свинья счастливее мужика, — перебил его Шведов, — червяк счастливее свиньи... Правда?

— Правда, — подтвердил Краснов.

— Следовательно, труп счастливее живого человека? Тоже правда?

— Тоже правда.

— То есть вы проповедуете смерть?

— Эх, господа, давайте лучше играть в винт. Мы успеем еще пофилософствовать на Земле.

— А есть карты? — спросил Русаков.

— Есть. Я упросил короля возвратить нам все наше имущество, найденное на «Галилее».

Через несколько минут в междупланетном пространстве началась игра.

Через семь месяцев «Галилей» тихо опустился на Землю. Когда все пять путешественников вышли из корабля, они увидели, что находятся на берегу большой реки. Вдали виднелся какой-то город.

— Господа, — сказал Лессинг, — а ведь мы, кажется, находимся в России. Смотрите, к нам идет мужичок.

— Да, так одеваются только наши крестьяне, — подтвердил Краснов. — Послушай, любезный, — обратился он к подошедшему мужичку, — какая это река?

— А вы не здешние? Это Амур.

— Амур? А какой это город виднеется?

— Благовещенск.

— Вот как! Однако, хотя мы и в России, но до Европы нам еще далеко.

— Стоит говорить о таких пустяках, — заметил Русаков, — после того, как мы съездили на Марс и вернулись обратно!

.....**Об авторе**

Л. Б. Афанасьев (Леонид Афанасьевич Богоявленский, точные даты жизни неизвестны) – писатель и журналист, сотрудничавший в журн. «Русское богатство» (1903-1909), «Русские записки» (1915-1917) и др. периодических изданиях. Выступал в печати также под псевдонимом «Леонид Б.».

Повесть «Путешествие на Марс» была впервые опубликована в №№ II-III «Ежемесячных литературных приложений к журналу “Нива”» в 1901. В 1902 и 1904 гг., под настоящим именем автора и загл. «В новом мире», повесть выдержала два издания в киевском издательстве Г. К. Таценко.

Текст печатается в новой орфографии, с исправлением некоторых устаревших особенностей орфографии и пунктуации.

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.